

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

НИКА
СТОУН

18+

Ты мой
ЗАПРЕТ

Ника Стоун

Ты мой запрет

<https://litres.ru/74217954>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пойти учиться в лицей «благородных девиц» и поселиться в доме строгой тётки — то еще приключение, но когда выясняется, что по соседству обитает ее сын, становится еще интереснее. Красивый, наглый, сексуальный - и теперь они живут под одной крышей.

София готова горы свернуть, чтобы этот взрослый самодовольный тип ее заметил, а Даниил. Он тоже не против поиграть с дерзкой бунтаркой. Правила просты: не потерять контроль. Но кто сказал, что они умеют соблюдать правила?

P.S. Если вы уже напряглись — выдохните. Даниил и София не родственники по крови. Просто судьба та еще шутница!

Содержание

Дисклеймер	4
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	28
Глава 5	36
Глава 6	44
Глава 7	49
Глава 8	56
Глава 9	61
Глава 10	68
Глава 11	75
Глава 12	84
Глава 13	90
Глава 14	104
Г	110
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Ника Стоун

Ты мой запрет

Дисклеймер

**ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ О КОНТЕНТЕ: ТОЛЬКО
ДЛЯ ЛИЦ СТАРШЕ 18 ЛЕТ!!!**

ВНИМАНИЕ!!!Если вы зашли сюда за моралью, светлыми идеалами и историями про правильную любовь — вы ошиблись дверью. Закрывайте её скорее и сделайте вид, что ничего не видели.

Эта книга, как поезд, который сошел с рельсов на первом километре и дальше несется в пропасть с безумной улыбкой на лице. Здесь есть всё, за что можно было бы извиниться, но я не буду, потому что мне не стыдно за свои фантазии:

* БДСМ во всей красе — да, тут этого с избытком;

* Жестокость, после которой хочется помыться, — вот это тоже имеется;

* Причинение вреда здоровью — а ещё вот это, да-да;

* Унижение и предательство — ну, а как без этого то?

* Дабкон и одержимость, от которой кровь стынет, — и, конечно, главная вишенка на торте;

* И да, я знаю, что это всё токсично, сложно и деструктивно, но что поделать.

Даниил Волков и София Кошкина — плод моего больного воображения. Все совпадения с реальностью случайны.

Автор не пропагандирует насилие и осуждает любое его проявление.

Если указанные выше темы вас травмируют — пожалуйста, не читайте, берегите себя и своё здоровье.

Глава 1

София Кошкина

Я уже мысленно прощалась с жизнью, когда чёрный джип наконец-то остановился. Водитель распахнул дверь, и я вывалилась наружу, жадно хватая ртом воздух. Ещё полчаса в этом прогретом до состояния сауны салоне, и я бы рухнула в обморок прямо на кожаном заднем сиденье.

Картинно, но бесполезно — добить отчима моей эффектной смертью всё равно бы не вышло.

Два дня. Два гребаных дня прошло с тех пор, как моя идеальная жизнь разбилась вдребезги.

Всё из-за Макса, который в очередной раз припёрся ко мне с цветами после ночной гулянки, и отчима, которому вечно есть дело до того, кто и когда приходит к его падчерице.

Они наорали друг на друга, я встряла, мама всплакнула, и — приговор. Перевоспитание. Ссылка к тётке, о существовании которой я даже не подозревала.

Клавдия...

Двоюродная сестра отчима. Женщина-камень, женщина-правильность, женщина-тоска зелёная.

Она пообещала родителям, что за год в её легендарном лицее «благородных девиц» я превращусь в шёлковую. Стану послушной, тихой и... серой. Именно так: серой серостью.

А то я, видите ли, невыносима...

Восемнадцать лет, красивое тело, длинные ноги, умение двигаться так, что у парней челюсти отвисают — это, оказывается, преступление.

Школа танцев, стрип-пластика, пенные вечеринки, на которых я чувствовала себя богиней... Всё в прошлом.

Хотя, Макс, мой бойфренд, поклялся в вечной любви, обещал звонить каждый день и хранить верность.

Конечно, я ему не поверила, потому что молодой, горячий парень не будет год сидеть на привязи. А я... мысль о том, что он там развлекается с кем-то, жгла изнутри обидой, но я старалась не думать об этом.

Я огляделась. Дом, в котором мне предстояло жить, впечатлял размерами и угнетал атмосферой. Старый, мрачный особняк, похожий на декорацию к фильму ужасов про английских призраков. Серый камень, тёмные окна, скрипучие ставни. Бр-р-р.

Внутри оказалось ещё веселее. Музей «Мебель прошлого века». Антикварная лавка на минималках. Всё тёмное, тяжёлое, пыльное. Дизайнер тут явно не ночевал.

— Добрый день, юная леди, — голос за спиной заставил меня вздрогнуть, и я обернулась.

Ох, мамочки...

Передо мной стояла Она. Худая, высоченная, в чёрном платье до пят, с седыми волосами, стянутыми в тугую гульку на затылке. Очки в чёрной оправе, тонкие губы поджаты, взгляд — как у директрисы тюрьмы строгого режима. Клавдия собственной персоной.

Я невольно скривилась. Рядом с этой серой мышью я чувствовала себя неоновой вывеской: розовое мини-платье, розовые босоножки на шпильке, розовый клатч... да, я люблю розовый, и точка.

Клавдия окинула меня таким взглядом, будто я была тараканом, выползшим из-под её идеально чистого плинтуса, и процедила:

— Пойдём. Покажу твою комнату.

Я молча поплелась за женщиной. Лестница скрипела так, будто под каждой ступенькой пряталось по скелету.

Комната оказалась пыткой для глаз. Тёмные, тяжёлые шторы, которые убивали любой намёк на солнечный свет.

Старинный шкаф, похожий на гроб, поставленный вертикально.

Кровать, застеленная пыльным покрывалом непонятного болотного цвета.

И люстра. Огромная, кованая, страшная, висела так низко, что я инстинктивно пригнулась, проходя под ней.

Я всхлипнула. Честно, всхлипнула, потому что сдержать разочарование было невозможно.

— Немедленно переоденься! — раздался ледяной голос Клавдии за спиной. — Ты выглядишь вульгарно. Как розовый чизкейк на тарелке. Воспитанные девушки так не ходят.

— Вообще-то, это мои вещи, — скрестила руки на груди и вздёрнула подбородок кверху. — Других у меня нет.

— В шкафу найдёшь всё необходимое. — тётка говорила так, будто отдавала приказ солдату. — Сегодня отдыхай с дороги. Ужин в восемь. Завтра с утра едем в лицей оформляться.

— Ещё указания будут? — ехидно уточнила, глядя на женщину в упор.

Клавдия не удостоила меня ответом, а просто развернулась и вышла, хлопнув дверью.

Когда мои чемоданы занесли в комнату, я первым делом бросилась к телефону, потому что срочно, жизненно необходимо было вылить всё это на подругу.

— Софа! — Дашка ответила с полпинка, и на фоне у неё орала музыка. — Ну как ты там? Как ссылка? Совсем тоска?

— Даша, это просто конец света, — простонала я, развалившись на этой жуткой кровати. — Здесь хуже, чем я могла представить. Всё серое, древнее, страшное, а тётка настоящий робот в юбке!

— Ой, крепись, подруга! — Дашка явно была не в настроении слушать мои стенания. — Слушай, мы тут у Максика твоего на тусовке. Отрываемся по полной! Он, кстати, уже двух телок охмуряет, но ты не переживай, они страшные.

Ладно, целую, чмоки-чмоки!

В трубке запищали гудки.

Я уставилась на телефон. Охренительно. Просто охренительно. Макс уже охмуряет, подруга развлекается, а я тут в серпентарии с люстрой-убийцей!

Слезы обиды защипали в глазах, но я их задавила. Ну уж нет! Раскисать рано. Я София Кошкина, и просто так не сдаюсь. Прорвёмся. В конце концов, год — не вечность.

Я встала и решительно распахнула шкаф, который Клавдия назвала «кладезем необходимого».

И замерла.

Мамочки мои...

В шкафу висела... нет, не одежда, а приговор. Унылые, бесформенные балахоны. Платья-мешки длиной до пят, кофты, в которых можно укутаться с головой, и юбки, из которых казалось вот-вот выпорхнет моль. Цветовая гамма — серый, чёрный, тёмно-синий, ещё более тёмно-синий и бежевый, похожий на цвет больничных стен.

— Она решила сделать из меня не скромницу, — прошептала, доставая одно из платьев и прикладывая к себе.

В зеркале отразился ужас.

— А пенсионерку!

Просто так сдаваться не собиралась, поэтому зарылась в свои вещи и нашла компромисс: платье-футляр пудрового цвета, длиной чуть выше колена, с v-образным вырезом и рукавом три четверти. Не броско, но и не траурно. В самый

раз.

Переоделась, причесалась, подкрасила губы блеском, и стало немного легче. Желудок жалобно заурчал, напоминая о том, что в дороге я питалась только воздухом и нервными клетками.

Я выскользнула в коридор и на цыпочках спустилась вниз, надеясь найти хоть что-то съедобное.

Кухня меня удивила. В отличие от всего остального дома, она была современной, сверкающей, навороченной. Акриловые шкафы, умная техника, огромный холодильник. Контраст с остальным домом был такой разительный, что я даже застыла на пороге.

Ладно, потом разберусь. Где еда?

Я открыла холодильник, нашла сыр, ветчину, схватила хлеб и быстренько сварганила пару бутербродов. Вкуснятина! Уже собралась откусить, но дверь со двора с грохотом распахнулась, и в кухню, без стука, без предупреждения, ввалился ОН.

Мужчина. Молодой. С ящиком продуктов в руках, которые он с грохотом поставил прямо передо мной на стол.

Я замерла с бутербродом у рта.

Незнакомец поднял глаза и окинул меня таким взглядом, что внутри что-то ёкнуло, перевернулось и встало на дыбы. Оценивающе. Медленно. Снизу вверх и обратно. Чуть заметно усмехнулся.

— Здесь на неделю, — произнёс хриловатым, низким го-

лосом, от которого по спине пробежали мурашки. — Нужно убрать в холодильник.

Я смотрела на мужчину и пыталась вернуть способность соображать.

Дешёвая футболка, обтягивающая такой торс, что можно было слюной захлебнуться.

Спортивные штаны, сидящие на бёдрах так, что хотелось срочно изучать анатомию.

Тёмные волосы, чуть влажные, как будто только из душа. Карие глаза, глубокие, с хитринкой.

Лёгкая небритость, из-за которой незнакомец выглядел ещё более... мужественно, что ли.

Мышцы на руках всё ещё были напряжены и поблёскивали от пота.

Я даже вздохнула.

Ну почему эти неудачники с дырой в кармане всегда такие сексуальные?

У них же ни ума, ни денег, ни будущего. Одна обёртка красивая, а внутри — пустота.

Наверное, природа так баланс восстанавливает: если на лицо и тело всё выдала, на мозги уже не хватило.

Мужчина стоял и ждал моей реакции. И улыбался спокойно так, уверенно.

А я стояла с этим дурацким бутербродом в доме своей тюремщицы, и думала: «Господи, только не это. Только не влюбиться в местного грузчика. Это ведь будет финальным

аккордом моего падения»...

Глава 2

Даниил Волков

Мама прислала список — килограммов на двадцать, не меньше. Я, как послушный сын, попёрся на рынок, хотя обычно за продуктами гоняют кого-то другого. Но сегодня приезжает та самая «родственница». Повариха с ног сбилась, носясь по кухне.

Мне же было абсолютно наплевать на появление какой-то там девчонки, но всё же решил помочь, чёрт с ним.

Всю дорогу домой меня не отпускала только одна мысль: ну зачем маме это случилось?

Взвалить на себя обузу в виде избалованной мажорки, которой, судя по слухам, давно пора не лицей оканчивать, а голову лечить. Пусть бы её папаша и его гламурная курочка сами разбирались с тем, что натворили.

Моё мнение было простым: пара месяцев без шопинга и хороший, крепкий подзатыльник любую дурь способны вышибить быстрее любой педагогики.

Толкнул дверь чёрного хода, ведущую прямо в кухню, и замер на пороге. В проёме, спиной к окну, стояла она — тот самый «ценный груз».

Честно? Я даже не удивился. Как только наши взгляды встретились, понял — это именно то, что я и ожидал увидеть: ледяной, пронизывающий взгляд, которым можно морозить продукты.

Платице, наверное, стоит как мои еженедельные расходы на бензин.

Волосы — белые, как первый снег, ровные, тяжёлые, с дурацкими розовыми кончиками, которые смотрелись так же естественно, как крылья у свиньи.

Фарфоровая кукла. Пустая, высокомерная и абсолютно бесполезная.

Я таких навидался. Они приходят в мои клубы, томно хлопают накладными ресницами, заказывают самые дорогие коктейли и считают, что мир крутится вокруг их тощих задниц. А потом выскакивают замуж за какого-нибудь лысого олигарха с животом, наживают пару детей и ведут каналы, где тупо мычат что-то про гламур. Пустышки.

Мой отец, кстати, тоже к такой свалил. Мне тогда десять было. Мать виду не подала, конечно, но я-то видел, как у неё глаза горели. Она всегда была выше этого фарса, выше его и всей этой мишуры. А я дал себе слово: поднимусь. Назло. Без него.

И поднялся. Сначала зубы в учёбу, потом пахота на износ. В свои двадцать уже стоял на ногах, а сейчас, в тридцать с небольшим, мои клубы — в пол-России. С изюминкой, как я люблю говорить.

Не просто раздевание под соусом пошлости. У нас девочки сами хотят играть. Приватный танец может перетечь в лёгкое доминирование, если обеим сторонам это зайдёт. Без пошлости, без грязи.

Тонкая игра, где красотки получают не меньший кайф, чем посетители. Никаких девочек по вызову, никаких извращенцев с больной фантазией. Самых отбитых мы отсеиваем на входе.

Красотки приходят сами, по жребии выбирают комнату и подписывают бумагу, что всё по любви и доброй воле. Конфиденциальность — самое главное. Маски, никаких имён.

И самое смешное: самые горячие и отчаянные девушки, которые жаждут этих острых ощущений, учатся как раз здесь, в лицей для «благородных девиц», от которого моя мать без ума.

А кто бы мог подумать, что в этих тихонях с бантиками спит такой пожар?

Мама, конечно, в святом неведении. Я для неё просто менеджер. Так проще. Никто не знает реального счёта в банке, и не надо отбиваться от охотниц за кошельком.

Моих талантов и без денег хватает на то, чтобы не испытывать дефицит женского внимания.

— Чего встала, как вкопанная? Разбирать будешь, или мне всё обратно в машину нести? — я облокотился о стол, нарочно небрежно бросив тяжёлый ящик на столешницу. Грохот стеклянных банок прозвучал как вызов.

Девчонка дёрнулась, будто я плюнул ей в тарелку. Эти её синюющие глазищи чуть не вылезли из орбит.

— Что?! Что ты себе позволяешь, хамло необразованное?
— голосок сорвался на визг. — Поставил ящик и катись отсюда! Иначе я скажу, кому надо, и ты вылетишь с работы в две секунды!

Я едва сдерживал рвущийся наружу смех. Прислуга, надо же. Конечно, для такой «принцессы» все, кто таскает тяжёлое, кто потеет и работает руками — быдло и рабы. Как же иначе.

Я картинно вскинул руки вверх, сдаваясь.

— Всё, всё, мисс! Уже пулей лечу! Простите, что посмел побеспокоить!

Развернулся и, давясь хохотом, вылетел на улицу. Вот это цирк! Бедная мама. Хотя... ничего, в лицее, куда определяют эту куклу, очень строгие нравы. Там ей быстро подпилят коготки и снимут розовые очки.

Посмотрел на часы: до вечера оставалось всего ничего.

Чёрт, как же я ждал этого момента — посмотреть в её наглые глазищи, когда девица поймёт, что хамло, которое она гнала с кухни, будет сидеть с ней за одним столом как... родственник.

Уверен, зрелище будет поинтереснее любого частного танца.

Глава 3

София Кошкина

Вот же придурок!

Я захлопнула дверь своей комнаты и прислонилась к ней спиной, пытаясь отдышаться.

Ну и тип!

Явно из породы тех, кто считает, что мир крутится вокруг их грязных ботинок. Хорошо хоть послала его подальше, чтобы неповадно было шастать по дому и пугать людей своим видом.

Я огляделась. Комната, конечно, унылая. Обои в цветочек, как в бабушкином серванте, кровать с панцирной сеткой, которая, кажется, помнит ещё советскую власть.

Но ничего, я здесь ненадолго. Месяц-другой, максимум — полгода. А там — обратно в Москву, к нормальной жизни, к Макс, к друзьям, к клубам и нормальной еде, а не к этой... деревенской романтике.

Плюхнулась на кровать, чуть не проломив её своим возмущением, и уткнулась в телефон.

Макс. Где ты, Макс?

Я строчила сообщение за сообщением: «Макс, я уже

здесь, это просто дыра!!!», «Макс, почему молчишь?», «Макси-и-им, тут такие ужасы, я тебе расскажу!».

Тишина.

Ну, конечно. Он же такой занятой. Наверное, спасает мир или поднимает российский футбол с колен. Ладно, потом объяснит. Или нет.

Ближе к вечеру в дверь постучали, но так, что это не было проявлением уважения к моим личным границам, а лишь одно из тысячи правил, установленных в этой «казарме».

На пороге стояла Клавдия собственной персоной. Ее правая бровь была изогнута так, будто хотела улететь. Взгляд — холоднее, чем мороженое в моём любимом кафе на Тверской.

— Ты почему до сих пор не переделась? — голос прозвучал, как скрежет металла по стеклу, и я едва сдержалась от того, чтобы не поморщиться.

— Извините, но я не намерена носить ваше старьё. У меня есть свои вещи. Дорогие и красивые. И вообще, я думала, у нас демократия, — опустила голову, снова утыкаясь взглядом в экран своего мобильного.

Ждала, что тётка сейчас начнёт оправдываться, мяться, уговаривать.

Ага, шас...

— Ах так? — прозвучало в ответ, и я почувствовала чьё-то дыхание возле уха быстрее, чем поняла, что женщина подошла.

Тут же телефон вылетел из моих рук, как встревоженная хищником птичка.

— Вы что творите?! — я подскочила на ноги. — Верните! Это моя собственность! Я вообще-то совершеннолетняя!

— Первое правило моего дома, — Клавдия стояла надо мной, поигрывая моим айфоном, как кот пойманной мышью, — ты не перечишь. Никогда. Мои просьбы — это закон. Второе правило: ты делаешь, что я говорю. И третье: если тебя что-то не устраивает, я звоню Павлу, и ты больше никогда в своей жизни не получишь ни копейки. Поняла?

Она протянула мне телефон обратно, но на губах при этом заиграла такая ехидная улыбочка, что мне захотелось её стереть вместе с губами, но я сдержалась.

Змея. Самая настоящая змея в юбке!

— Почему телефон нельзя? — мой голос предательски стих.

Потому что без денег? Без шопинга? Без ежедневного латте и такси, потому что в метро воняет?

Я просто не выживу. У меня начнётся депрессия, авитаминоз и цинга. Точно!

— Телефон мешает учёбе. Будешь получать его по выходным, если поведение будет приемлемым. — Клавдия с победным выражением лица засунула мою трубку в карман своего уродского пиджака, который, кажется, видел динозавров. — Пока я даю тебе свободу и разрешаю сидеть в комнате, но это до первого твоего проступка.

— Это хуже тюрьмы! — выпалила я, чувствуя, как в глазах защипало.

— Вряд ли. Да и откуда тебе знать, как там в тюрьме?

Хлопок двери. И тишина. Только мои сжатые кулаки и подушка, которую я стиснула так, что она, кажется, заплакала синтепоном.

Я уткнулась в неё носом. Пахло старым домом, пылью, чьей-то чужой жизнью и безысходностью.

Год обещал быть просто... катастрофой...

Перед ужином пришлось перерыть весь гардероб.

Ладно, не хотите розовое — не буду. Нашлось платье из прошлогодней коллекции — кремовое, мешковатое, без формы. В нём я была похожа на девочку из приюта, которую одели для благотворительного сбора.

Макияж решила не делать — вдруг здесь это тоже под запретом?

Волосы стянула в два высоких хвостика, как первоклашка. Пусть видят: я могу быть скромной, если захочу. Могу, но не хочу обычно.

Я спустилась в столовую с чувством собственного достоинства, которое пыталось пробиться сквозь тошноту и обиду за отобранный телефон. И замерла в дверях.

За столом сидела Клавдия, а рядом... ОН.

Тот самый хам с кухни!

Что он здесь делает?

Пришёл за добавкой?

Решил, что раз я его прогнала, то теперь нужно явиться к начальству и нажаловаться?

Вот же крыса!

Я прожигала мужчину взглядом, но он даже не смотрел в мою сторону. Сидел, развалившись, в той же дурацкой одежде, и о чём-то спокойно беседовал с моей тётушкой.

— София! — Клавдия повернулась ко мне, и на её лице вдруг появилась улыбка: добрая, тёплая, почти материнская. — Присоединяйся! Я устроила этот ужин в честь твоего приезда!

— Спасибо, — выдавила я, чувствуя, как внутри всё закипает.

Я плюхнулась на свободный стул напротив этого типа, и он наконец поднял на меня свой взгляд. Тёмный, насмешливый, с хитринкой. И эта его дурацкая полуулыбка!

— Познакомься, — Клавдия положила руку брюнету на плечо с такой нежностью, что я мысленно ахнула. — Это Даниил. Мой сын.

Что?!

— Как... сын? — я заторможено моргнула, а потом ещё раз. — Ваш сын? То есть...

— Ага, — Даниил усмехнулся, и от этого звука мне захотелось провалиться сквозь землю прямо здесь, под этим дурацким столом, вместе с этим дурацким ужином.

СЫН. Он её СЫН. А я ему днём...

— Мама, — мужчина растягивал слова с явным удоволь-

ствием. — Я сегодня уже имел честь пообщаться с нашей гостьей. Она приняла меня за работника из доставки и пообещала уволить.

И засмеялся. Зараза.

— Я же тебе говорила! — Клавдия всплеснула руками. — Будешь ходить как оборванец — все будут принимать за прислугу!

— Мама, я дома хожу так, как хочу. Мы же уже обсуждали это.

— Почему мне нельзя ходить так, как хочу? — ляпнула я, и тут же прикусила язык, но слово не воробей.

— Потому что ты девушка, — отрезала Клавдия. — Девушка всегда должна выглядеть подобающе.

— Мама, да какая она девушка? — Даниил откинулся на спинку стула и прошелся по мне оценивающим взглядом, будто я экспонат в кунсткамере. — Это же девчонка! Сколько тебе? Тринадцать? Пятнадцать?

Он что, издевается?!

— Мне ДЕВЯТНАДЦАТЬ! — я вскочила так резко, что стул чуть не опрокинулся. — Я не ребёнок!

— София! — рявкнула Клавдия. — Немедленно сядь и извинись за своё поведение!

— Девятнадцать? — Даниил даже бровью не повёл.

Сидел, развалившись, и смотрел на меня своими глазищами. А потом вдруг в них что-то мелькнуло. Удивление? Интерес?

— Не может быть. Выглядишь на пятнадцать. Максимум.

— Да пошли вы все! — выпалила я. — Ненавижу вас! Верните мой телефон! Я позвоню матери, и она пришлёт за мной машину! Ни минуты больше не останусь в этом гадюшнике!

— Закрой рот, принцесса, — голос Даниила стал тихим и холодным, как сталь. — Не смей оскорблять наш дом и нашу семью. Мама, верни этой пигалице телефон, и пусть катится отсюда. Надоела.

Клавдия молча встала и вышла. Вернулась спустя минуту уже с моим айфоном. Я выхватила его и рванула наверх, только бы больше не видеть довольную рожу Даниила.

В комнате меня окончательно накрыло.

Я набрала маму. Гудок. Второй. Третий.

— Алло, мам! Забери меня отсюда! Немедленно!

— София, не говори ерунды. У Павла проблемы, нам не до тебя. Живи у Клавдии, учись. Денег на твои заграницы всё равно пока нет. Да и не заслужила ты.

— Но, мама...

— Всё. Если вылетишь оттуда — домой можешь не возвращаться.

Короткие гудки.

Я тупо смотрела на потухший экран, а потом разблокировала телефон и увидела уведомление.

Сообщение от Макса.

«Извини, мы с Дашей так скучали по тебе... Короче, мы теперь вместе. Когда вернёшься, можем обсудить детали, ес-

ли хочешь»...

Они с Дашей скучали...

Моя подруга, которая клялась, что мой парень козёл, и которая говорила: «Софи, он тебя недостоин!» А сама... Ну, спасибо. Спасибо большое, родные люди!

Я сидела на полу, прижимая колени к груди, и смотрела в одну точку.

Всю жизнь одно и то же.

Мама: «Улыбнись, София, ты плохо вышла на фото!»

Отец: новая семья, новые дети, а я — кто?

Отчим: «Нахлебница, бездельница, ничего не заработала!»

А я старалась. Правда, старалась. Просто... никто не объяснил, КАК именно надо.

В шестнадцать я решила: легче быть пустышкой. Богатенькой глупой дурочкой. Никто не ждёт от тебя мозгов, никто не требует рефлексии. Просто улыбайся, кивай, танцуй.

Особенно Максу нравилось, когда я молчала и не спорила. Ему нравился мой смех над его тупыми шутками, нравился секс, в котором я, кстати, слишком часто притворялась, что мне хорошо, лишь бы он был доволен.

Идиотка.

Уткнулась лицом в колени. Из глаз потекло. Сопли, слёзы — всё смешалось в одно липкое месиво.

И тогда в дверь тихо постучали.

— София?

Голос Клавдии. Теперь мягкий, почти участливый, но я не повелась, потому что уже хорошо знала эти штучки.

— Уходите.

— Я принесла тебе поесть, ты ведь так ничего и не съела.

— Не хочу.

— София...

— Уйдите! — заорала я, и голос сорвался на хрип. — Оставьте меня все в покое!

Тишина.

Потом шаги, скрип половиц, а затем — снова тишина.

Я осталась одна.

И впервые в жизни мне было всё равно, розовое на мне платье или серое, дорогая сумочка или дешёвая, есть лайки в соцсетях или нет.

Потому что, оказывается, можно быть окружённой людьми, но при этом оставаться очень одинокой.

А этот Даниил со своими холодными глазами... Ненавижу!

Хотя... почему у него был такой взгляд?

Почему он смотрел на меня так, будто я пустое место?

И почему, когда он узнал, что мне девятнадцать, в его глазах мелькнуло то, что не столько напугало, сколько взволнованно до дрожи в коленях?

Хотя, какая вообще разница?

Пусть катится со своим «принцесса».

Завтра же уеду! Даже если пешком. Я не останусь здесь

ни дня!

Я вытерла слёзы, встала с пола и подошла к окну, за которым отображались чужие огни, чужая жизнь и чужой город.

И вдруг мне стало страшно.

А если мама и правда не примет?

Если отчим выгонит? Если Макс... А вот на него действительно плевать!

Куда я пойду?

Я опустилась на подоконник и обхватила себя руками.

Учебный год только начался, а я уже сломалась.

Глава 4

Даниил Волков

— Что ты творишь? Сынок, мне не нравится твоё поведение!

Мамин голос резанул по уху, как нож по стеклу. Поднял на неё глаза и тут же опустил, потому что осуждающий взгляд прожигал насквозь.

Женщина стояла, скрестив руки на груди, и смотрела так, будто я только что при ней кого-то убил. А всего-то накричал на какую-то выскочку.

И что вообще на меня нашло?

С чего я сорвался?

Мне вообще было плевать на эту пигалицу. Подумаешь, приехала погостить — дочка жены какого-то там двоюродного брата мамы. Седьмая вода на киселе, даже не родственница по-настоящему. Ни капли общей крови. Пусть живёт, учится, бесится — мои нервы дороже.

Но когда она вскочила из-за стола, когда в этих синих глазах сверкнули слёзы обиды и злости, когда она закричала «Ненавижу вас!»... Во мне что-то дёрнулось. Не жалость, нет. Что-то другое. Тёмное, глубокое, что обычно просыпа-

ется в клубе, когда я смотрю на танцующих девушек.

Кстати о возрасте. Девятнадцать, надо же! Ни за что бы не подумал. В этом дурацком балахоне, с этими хвостиками и почти кукольным лицом... София выглядела на пятнадцать, максимум шестнадцать, но глаза... В них было столько злобы, столько гордости и боли, сколько не бывает у благополучных избалованных детей.

Я поймал себя на том, что рассматриваю её уже не как надоедливую девчонку, а как-то иначе.

Фигура у неё, конечно, совсем не детская — даже этот мешковатый балахон не мог скрыть длинных стройных ног, тонкой талии и вполне аппетитных форм.

Чёрт. Красивая, зараза. Очень красивая. Просто одета как пугало и причёсана как первоклашка.

Почувствовал знакомый жар где-то внизу живота и резко тряхнул головой. Не хватало ещё на эту девчонку заглядываться!

Мне нужно было в клуб. Срочно. Чтобы снять напряжение, пока крышу не сорвало.

— Мама, прости, — наклонился и чмокнул женщину в щёку. — Я постараюсь быть сдержаннее с этой маленькой невоспитанной девицей.

— Она не виновата, что такая, — мама грустно вздохнула, и в её глазах мелькнула та самая бесконечная доброта, которая меня иногда бесила. — Родителям всё время нет до неё дела. Вот и стала неуправляемой. Все её проблемы все-

гда решали только деньги, а не любовь и ласка.

— Мам, не слишком обольщайся на её счёт, — я уже натягивал куртку, думая о своём. — По мне, она просто высокомерная принцесса, которой требуется хорошая взбучка. Ладно, я побежал. Дела.

Чмокнул родительницу ещё раз и выскочил за дверь, пока она не начала читать лекцию о том, что доброта спасёт мир. Спорить не хотелось. Хотелось разрядки.

Мой «Ниссан» завёлся с пол-оборота, и я вдавил педаль газа в пол. Ночь, город, клуб — вот моя терапия.

Спустя полчаса я уже был в клубе. В своём кабинете я переоделся в строгий дорогой костюм, а затем сделал то, что делал всегда перед выходом в зал — надел маску. Чёрную, закрывающую верхнюю часть лица, оставляющую только глаза и рот. Здесь я не хозяин, а просто посетитель. Один из многих.

Это моё главное правило и главный кайф. Девушки не должны знать, с кем они танцуют и с кем проводят ночь. Иначе начнутся подлизывания, заискивания, попытки пробиться поближе к деньгам. А так — честно.

Они приходят за острыми ощущениями, тянут жребий и попадают в комнату к незнакомцу в маске. К незнакомцу, который может оказаться кем угодно — банкиром, спортсменом, айтишником или просто состоятельным парнем, который умеет ценить красивых девушек.

Я спустился в VIP-ложу и устроился в кресле у стекла.

Внизу, на сцене, шло представление. Девушки сменяли друг друга, как картинки в калейдоскопе. Брюнетки, блондинки, рыжие. Высокие, миниатюрные, пышные, стройные. Каждая старалась показать себя с лучшей стороны.

Но мне сегодня было как-то... пусто. Я смотрел и не видел. Перед глазами стояла дерзкая девчонка с дурацкими хвостиками и кукольным лицом. С глазами, полными злости и боли. И с этой фигурой, которая, как назло, всплывала в памяти в самых откровенных ракурсах.

— Даниил Андреевич, какую комнату подготовить? — администратор склонился надо мной, вырывая из мыслей.

— Стандарт, — ответил, отхлебнув виски. — Танец и секс. Никаких игр сегодня. Просто расслабиться.

— Понял. Девушку выберете сами или доверитесь жребию?

— Жребий, — усмехнулся я под маской. — Не будем нарушать правила.

Я медленно пошёл в комнату, наслаждаясь предвкушением. В коридоре гудел негромкий транс, стены были обиты мягкими панелями, приглушённый свет создавал интимную атмосферу.

Комната «стандарт» — это просторное помещение с большой кроватью, мини-баром и небольшим подиумом для танца. Ничего лишнего. Только то, что нужно.

Я налил себе ещё виски, скинул пиджак и прилёг на кровать, закинув руки за голову. Маску я естественно не снял

— так было нужно.

Минут двадцать ожидания. Знал, что моя спутница на вечер уже в здании, уже прошла фейс-контроль, уже предъявила документы. Наши охранники работают жёстко — ни одной малолетки, ни одного проблемного клиента. Репутация дороже.

Дверь бесшумно открылась.

Девушка вошла, и комната будто наполнилась светом. Высокая блондинка с пышными формами, которые едва сдерживало крошечное платье. Маска скрывала верхнюю часть лица, но пухлые губы, точеный подбородок, длинная шея — всё это я уже видел. Кажется, она была у меня пару раз. Хорошая. Старательная. И не задающая вопросов.

— Привет, — её голос был низким, чуть хрипловатым.

Блондинка подошла к подиуму и включила музыку — тягучий, чувственный трек. Точно, она уже бывала здесь и явно намеревалась произвести впечатление.

Я молча кивнул, давая знак начинать.

Она танцевала хорошо. Плавно, текуче, как вода. Каждое движение было выверено, каждая линия тела — безупречна.

Платье упало на пол. За ним — бельё. Она изгибалась, касалась себя, смотрела на меня из-под маски, и в её взгляде горел тот самый огонь, за который девушки готовы платить, а не получать деньги.

Когда танец закончился, она подошла к кровати и замерла в ожидании.

— Сегодня я хочу, чтобы ты всё сделала сама, — сказал я, закрывая глаза.

Чувствовал, как кровать прогнулась под её весом. Как её пальцы коснулись моей груди, расстёгивая рубашку. Как губы прошлись по ключице, по шее, по подбородку. Медленно. Томительно. Она знала своё дело.

Я расслабился, отдаваясь процессу. Её руки скользили по моему телу, снимая одежду, поглаживая, дразня. Она не спешила, а играла. Именно это я и любил — не механическое исполнение, а игру. Страсть. Желание.

Когда губы девушки сомкнулись на моём члене, я выдохнул сквозь зубы и запустил пальцы в её волосы. Любовница работала языком, ритмично, глубоко, с той особой сноровкой, которая приходит только с опытом. Внизу живота закипало знакомое тепло, но я не хотел торопиться. Хотел растянуть этот момент.

— Остановись, — скомандовал, и она послушно замерла. — Ложись.

Блондинка легла на спину, раздвинув ноги. Я смотрел на неё сверху вниз — идеальное тело, идеальная кожа, идеальные формы. Всё, как я люблю. Но почему-то в голове мелькнула другая картинка. Не пышная блондинка, а стройная фигурка, тонкая талия, длинные ноги, которые я мельком заметил под этим дурацким платьем... И глаза. Синие, злые, бесконечно притягательные глаза.

Чёрт. Опять.

Я снова тряхнул головой, отгоняя наваждение. Не хватало ещё сравнивать профессиональную красотку с этой девчонкой, которая мне даже не родственница — так, дочка жены какого-то дальнего брата, вообще чужой человек. Но тело реагировало на образ. Телу было плевать на формальности.

Я вошёл в блондинку одним резким движением, пытаюсь заглушить наваждение.

Она вскрикнула — то ли от неожиданности, то ли от удовольствия. Я двигался жёстко, быстро, почти грубо, срывая на ней всё то раздражение, которое скопилось за день.

Девушка отвечала, изгибалась, стонала, царапала мне спину. В какой-то момент я перевернул её на живот, взял за бёдра и вошёл сзади, глубже, сильнее, до самого предела.

Комната наполнилась звуками — шлепки тел, тяжёлое дыхание, приглушённые стоны. Пот стекал по моей спине, простыни сбились в комок, виски на тумбочке остался нетронутым.

Я чувствовал, как любовница приближается к разрядке — мышцы сжимались, дыхание сбивалось, стоны становились громче. И когда она кончила, выгнувшись и вскрикнув, я позволил себе отпустить контроль. Последние несколько толчков, и мир взорвался яркой вспышкой.

Я рухнул рядом, тяжело дыша, и уставился в потолок. Маска всё ещё была на мне — я так и не снял её за всё время.

Несколько минут мы лежали молча. Потом она встала и подошла к бару, наливая себе воды.

— Всё хорошо? — спросила она с плохо скрываемой надеждой, протягивая мне бокал.

— Да, — я взял воду, сделал глоток. — Ты свободна.

Она кивнула и начала одеваться. Без обид, без претензий, без попыток задержаться. Профессионалка. Именно за это я их и ценил.

Когда дверь за ней закрылась, я ещё долго лежал, глядя в потолок.

Тело было довольно, а мысли — нет, потому что в голове снова и снова всплывало лицо с хвостиками. Эти синие глазищи.

Я сел на кровати и потёр лицо ладонями, снимая маску.

Что за хрень со мной происходит?

Мало ли красивых девок я видел? Тьма. И ни одна не застревала в голове вот так.

Может, потому что она живёт в моём доме? Может, потому что мама будет пилить, если я сорвусь? А может... Да нет. Бред. Она просто девчонка, которая через год уедет и исчезнет из моей жизни навсегда.

Я встал, прошёл в душ и стоял под холодными струями, пока мысли не утихомирились.

Завтра новый день. Завтра я буду спокоен. Завтра эта пигалица станет для меня просто пустым местом.

Обязательно станет.

Я верил в это.

Глава 5

София Кошкина

Утро началось с акта насилия над моей личностью.

Тётка ворвалась в комнату без стука — видимо, была слишком взволнованна, что нарушила свои же правила, — и ткнула пальцем в сторону шкафа.

— Одевайся. И даже не вздумай спорить.

Я хотела взбрыкнуть. Честно. У меня уже были заготовлены пять вариантов едких ответов и один очень выразительный жест. Но потом вспомнила вчерашний вечер, короткие гудки в трубке после разговора с мамой, и спорить расхотелось.

Внутри было пусто. Как в старом заброшенном доме, где раньше жили люди, а теперь в нем гулял ветер. Родителям я не нужна, Макс променял меня на Дашу с её дурацкой улыбкой, так какая разница, что на меня наденут? Хоть мешок из-под картошки.

— Без проблем, — буркнула я и полезла в шкаф.

Мешок, кстати, нашёлся. Бежевое нечто с дурацким белым воротником, которое царапало шею уже на стадии примерки. Ткань грубая, колючая, как наждачка. Натянула это

безобразие и чуть не завывла — тело сразу зачесалось, будто я в крапиву окунулась.

Ужас. Просто ужас.

В машине я молчала и смотрела в окно. Тётка тоже молчала, видимо, решив, что вчерашнего не было. Ну и ладно. Я вообще-то мастер игнора.

— Мы разве не в лицей? — спросила, когда машина остановилась у какого-то здания с вывеской «У СВЕТЫ».

Звучало это как название похоронного бюро или ветеринарной клиники.

Спорим, там делают что-то ужасное?

— Нужно привести тебя в порядок, прежде чем вести в лицей, — холодно отозвалась Клавдия. — Здесь работают профессионалы.

— В смысле в порядок?! — я аж подскочила на сиденье.

Я смотрела на тётку и офигевала. Как можно разговаривать, вообще не двигая лицом? Ни один мускул не дёргается. Будто восковая фигура из музея, только в плохом настроении.

— Поменьше болтай, — отрезала фигура и вышла из машины, я обреченно последовала за ней.

Меня усадили в кресло, и какая-то женщина вцепилась в мои волосы. Она тянула их, крутила, рассматривала под разными углами, будто я экспонат на выставке «Аномальные явления парикмахерского искусства».

— Клавдия Анатольевна, это, конечно, нечто, — изрекла

она тоном, каким обычно говорят «у пациента запущенная стадия». — Такой цвет просто так не сравнять.

— Делай что считаешь нужным, — Клавдия даже не села, стояла у двери, как надзиратель. — Она должна выглядеть как леди, а не как глупая кукла.

Я сжала кулаки до хруста. Хотелось встать и высказать всё, что я думаю об этих двух... профессионалках. Но я сдержалась, потому что если тётка выгонит меня на улицу, идти будет некуда. А к самостоятельной жизни я пока не готова. Там же готовить надо. И убирать. Фу.

Полтора часа ада. Меня красили, стригли, сушили, опять красили чем-то, от чего слезились глаза. Я сидела и представляла, как куплю этот салон и уволю всех к чёртовой матери.

— Готово, — наконец выдохнула женщина и развернула меня к зеркалу.

Я открыла глаза и замерла.

Боже...

Нет, это был не ужас. Это был... шок. Приятный шок.

В отражении зеркала на меня смотрела другая девушка. Волосы стали тёмно-каштановыми, почти шоколадными, и теперь лежали красивыми волнами чуть ниже плеч. Раньше я даже не думала так стричься — всегда казалось, что длинные розовые кончики — это пик стиля.

Господи, какая же я была дура.

Тёмный цвет делал глаза ярче, скулы острее, а губы —

чувственное. Я выглядела старше и сексуальнее. Намного сексуальнее.

— Ну вот, — Клавдия одобрительно кивнула, и на её лице даже появилось подобие улыбки. — Другое дело. Теперь хоть не стыдно с тобой на люди выйти.

Я промолчала, потому что впервые была с ней согласна.

Далее по расписанию был лицей, который встретил меня серой кирпичной стеной и решётками на окнах.

Решётками, Карл!

Я моргнула. Потом ещё раз. Нет, не показалось. Самый настоящий тюремный стиль. Не хватало только колючей проволоки по периметру и вышек с автоматчиками.

Внутри было не лучше. По коридорам бродили девушки в одинаковых белых рубашках, клетчатых юбках и белых гольфах. Стадо клонов. Я даже зажмурилась от ужаса — рябило в глазах, как от телевизора с плохим сигналом.

Директриса оказалась копией Клавдии, только с другим именем. Та же мрачная мина, тот же бесформенный костюм, та же манера смотреть так, будто ты при ней таракана раздавила.

— Клавдия Анатольевна, только из глубокого уважения к вам, — затараторила она, нервно теребя ручку, — учебный год уже начался, группы сформированы...

Тётка молча достала из сумки конверт. Толстый. Очень толстый. Я такой видела, когда мама платила за мои курсы «Молодого блогера». Кстати, бесполезное занятие, но кон-

верт был примерно такой же.

Директриса сгребла конверт со скоростью голодной кошки, увидевшей сметану, и спрятала в стол.

— Девушка не будет доставлять проблем, — натянуто улыбнулась Клавдия. — Она умна и талантлива. Такие ученицы всегда ценились в вашем учреждении.

Я чуть не поперхнулась воздухом.

Умна? Талантлива?

Это она сейчас про меня? Ту самую, которую полчаса назад называла глупой куклой?

Директриса согласно закивала, достала из шкафа форму и вручила мне с таким видом, будто сделала одолжение все-ленского масштаба. Я взяла этот убогий набор и выдавила улыбку. Кажется, у меня получился оскал, но никто не заметил.

В машине на обратном пути я снова молчала, переваривая информацию. Клавдия, оказывается, умела не только морозить взглядом, но и... врать? Причём так убедительно, что я сама чуть не поверила в свои таланты.

— Со следующей недели найду репетитора, — сказала тётка, когда мы отъехали. — Подтянет твои знания до уровня лицея. И надеюсь, сегодня ты спустишься к ужину в нормальном настроении. Мне не нравятся ваши ссоры с Даниилом. Он мужчина, и ты должна относиться к нему с уважением.

— Я постараюсь, — прошептала я, глядя в окно.

С уважением, к этому хаму? Который вчера смотрел на меня, как на пустое место, а потом вдруг как-то странно...

Нет, не следовало об этом даже думать.

Всё внутри переворачивалось от мысли, что это не шутка. Что никто не приедет и не заберёт меня в мою старую жизнь. Что за граница с Максом, с которым уже всё было кончено, кстати, так и останется только мечтой.

Как я выживу в этой серости?

Среди этих клонов в клетчатых юбках?

С этим репетитором, который наверняка окажется старым занудой?

Хотелось плакать, но я не стала. Слезы — это слабость, а слабость я сейчас позволить себе не могла.

Когда мы вернулись домой, тётка сказала, что ей нужно снова уехать по делам.

— Веди себя хорошо, — бросила она на пороге. — К ужину я вернусь. И, София... постарайся сегодня обойтись без скандалов.

Я только закатила глаза. Без скандалов так без скандалов. Я вообще сама скромность, если меня не бесить.

Как только за ней закрылась дверь, я рванула наверх переодеваться. Скинула этот колючий мешок, натянула короткие спортивные шортики и обтягивающую маечку — хоть что-то своё, родное, не уродское. Вставила наушники, включила любимый трек и вышла во двор.

День стоял яркий, солнечный. Трава зеленела так сочно,

что глаза резало. Небо синее-синее, ни облачка. Прямо как в рекламе йогурта или дорогого шампуня. Только вместо счастливой семьи с идеальными зубами — я, в шортах и майке, пытаюсь не сойти с ума в этом городе, где даже птицы, кажется, чирикают с осуждением.

Я встала на расстеленный коврик и начала с растяжки. Наклоны, шпагаты, мостик — тело разогревалось, мышцы тянулись, и вместе с ними уходило напряжение. Солнце припекало плечи, ветерок шевелил волосы — мои новые, тёмные, которые всё ещё казались чужими, когда я ловила их отражение в стекле.

Потом включился ритм, и я погрузилась в танец.

Стрип-пластика — это моя тайная страсть. Дома, конечно, запрещали. Мама говорила: «Это вульгарно, София, приличные девушки так не танцуют!», но меня это заводило: чувствовать своё тело, управлять им, изгибаться, как кошка, ловить каждую ноту...

Я танцевала, закрыв глаза. Движения лились сами — волна от плеч до бёдер, плавный поворот, глубокая арка назад. Музыка стучала в висках, и я провалилась в неё с головой. Существовал только ритм, только бит, только движение. Ни тётки, ни лица, ни Даниила с его ледяными глазами. Ничего. Только я, солнце и музыка.

Мой педагог по танцам говорила, что у меня талант. Что я могу добиться многого. Но я никогда не хотела выступать на публике, тем более в каком-нибудь развратном клубе с

липкими столами и похотливыми мужиками.

Просто для себя. Для настроения. Для Макса иногда.

Хотя с Максом вечно была проблема — он никогда не давал мне дойти до конца. Начинал лезть с поцелуями, тискать, раздевать... Бесило жутко. Неужели трудно дать женщине получить удовольствие от процесса, а не только от финала?

Кстати о Максе. Я вдруг поняла, что совсем по нему не скучала. Вообще. Ноль эмоций. Только лёгкое недоумение — и зачем я с ним столько времени мучилась? Из-за статуса? Из-за того, что «хорошая партия»?

Дура. Какая же я была дура.

Я выпрямилась, встряхнула волосами и пошла на новый круг. Трек был длинный, заводной, и останавливаться совсем не хотелось. Солнце светило в лицо, я жмурилась, но продолжала двигаться — танец захватил меня целиком.

Всё остальное перестало существовать.

Никаких мыслей о будущем. Никакой боли от предательства. Никакого страха перед новой жизнью.

Только ритм. Только пластика. Только я.

Я кружилась, изгибалась, падала на колени и поднималась снова, как будто заново рождалась в каждом движении. Пот катился по спине, сердце колотилось где-то в горле, но останавливаться не хотелось. Совсем.

Музыка играла, солнце светило, а я танцевала.

И мне не было ни до кого дела.

Глава 6

Даниил Волков

Я проснулся после обеда, принял душ и спустился вниз. В голове гудело после вчерашнего, тело требовало дозы кофеина, а лучше — чего-то покрепче. Мамы не было, умчалась с утра по делам, и это радовало — меньше вопросов про то, где я шляюсь и когда приду.

Но едва я подошёл к кухне, как оттуда донеслось такое, что сонливость сняло как рукой.

— Ты просто грязный похотливый кобель! — голос Кати, нашей служанки, визжал так, что стёкла дрожали. — Я видела, как ты пускал на неё слюни!

— Дура, я просто мимо проходил! Машину ставил в гараж! — Толик, её муж и наш водитель, прикрывался локтями от летящей в лицо тряпки. — Она слишком молода для меня, с ума сошла, что ли?!

Я вошёл и застыл в дверях, сложив руки на груди.

— Что здесь происходит? Вы чего орёте, как на базаре?

Катя обернулась, красная как рак. Толик выдохнул с облегчением — спасение пришло в виде хозяина.

— Даниил Андреевич! — Катя ткнула тряпкой в мужа. —

Этот кобель подсматривал за той девчонкой, которая приехала к Клавдии Анатольевне в гости!

Я поднял бровь.

— Подсматривал? Где? В её комнате?

— Да во дворе она! — выпалила Катя. — Танцует там! А этот старый дурак глазеет и пускает слюни!

— Танцует? — я почувствовал, как губы сами расползаются в улыбку. — Интересно. Пойду посмотрю на это... представление.

Я вышел во двор и застыл.

Вот это да.

Девчонка стояла посреди лужайки, вся в солнце, и двигалась так, что у меня перехватило дыхание. Короткий обтягивающий топ, шорты — дьявол, да там ткани ушло меньше, чем на носовой платок.

Ноги длинные, гладкие, талия — перехватить руками и сомкнуть пальцы. Грудь под тонкой тканью поднималась и опускалась в такт дыханию.

Но главное было не в одежде. Главное — как она двигалась.

Медленно, текуче, как расплавленный шоколад. Руки скользили по телу — по животу, по бёдрам, по груди. Она изгибалась, прогибалась в спине, откидывала голову назад, и её глаза были закрыты. Полностью в своём мире. Полностью в танце.

Вот она присела, разведя колени, провела ладонями по

внутренней стороне бёдер. Вот выпрямилась и выгнулась назад, и её маленькая круглая попка напряглась под тканью шорт. Вот облизнула губы — пухлые, пересохшие на солнце, и я увидел, как под топиком натянулись соски.

Острые. Твёрдые.

Она возбуждена.

Эта мысль ударила в пах, и я почувствовал, как член упирается в штаны, требуя выхода.

Твою мать... Твою же мать!

Я стоял и не мог сдвинуться с места. Просто смотрел, как София танцует, как играет сама с собой, как дразнит невидимого зрителя. Меня. Она дразнит меня, даже не зная об этом.

Или знает?

Я двинулся вперёд. Сам не заметил, как ноги понесли меня к ней. Ближе. Ещё ближе. Чтобы видеть каждое движение, каждый вздох, каждую капельку пота на её коже.

Девчонка повернулась, делая пируэт, и вдруг распахнула глаза.

На одно мгновение в ее взгляде мелькнула растерянность: чистая, почти детская, а потом — бах! — и лицо застыло ледяной маской.

— Что ты тут делаешь?! — голос сиплый, дыхание сбитое, но гонора хоть отбавляй. — Ты следишь за мной?

Я усмехнулся.

— Вышел подышать, а тут ты. На улице, между прочим,

прохладно для такого... наряда.

Она шагнула ближе. Так близко, что я почувствовал жар её тела.

— Тебе понравилось? — голос тихий, но в глазах — вызов. Чистый, отчаянный вызов.

— Что понравилось? — я прищурился. — То, как ты дёргалась? Я думал, ты просто дурачишься.

Ложь. Грязная, наглая ложь, но необходимая чтобы сохранить лицо и скрыть свой позор.

— Врёшь! — она шагнула ещё ближе, и теперь её грудь почти касалась моей груди. — Я же вижу, что понравилось.

Её глаза скользнули вниз, к моим штанам, где член стоял колом, и она улыбнулась. Медленно. Хищно. Как кошка, которая загнала мышь.

— Хочешь, повторю для тебя? Наедине...

Умница. Какая же умница. Дразнит, провоцирует, играет. Думает, что я отступлю?

Думает, что я испугаюсь маленькой избалованной девчонки?

Решила, что способна тягаться со мной в подобных играх?

— А ты не боишься? — спросил, не меняя позы.

— Чего мне бояться? — София вскинула подбородок кверху.

Медленно провёл пальцем по её ключице, чувствуя, как кожа покрывается мурашками. Девушка вздрогнула, но не отстранилась.

— Меня, — сказал я тихо. — Идём. Покажешь, на что способна. Если не струсешь.

Я развернулся и пошёл к дому, не оглядываясь. Не проверяя, идёт ли она за мной.

Шагов за спиной не было.

Я остановился у двери, достал сигарету, прикурил. Медленно выпустил дым в небо.

— Второй этаж, последняя дверь направо, — бросил через плечо. — Жду пятнадцать минут. Потом передумаю.

И вошёл в дом, оставив её во дворе.

Пусть теперь решает сама. Придёт — получит взрослого мужчину, который не будет с ней сюсюкать. Не придёт... что ж, значит, действительно ещё ребёнок.

Я поднялся к себе, включил воду в душе, но заходить не стал. Сел в кресло у окна, закурил ещё одну и уставился на дверь.

Пятнадцать минут.

Интересно, что перевесит — страх или любопытство? Гордость или желание доказать, что она не маленькая?

Я усмехнулся и посмотрел на часы.

Время пошло.

Глава 7

София Кошкина

Я стояла посреди двора и тряслась как осиновый лист.

Что это со мной?

Почему коленки дрожат, а в груди бушует такой пожар, что, кажется, ещё немного и я вспыхну целиком?

Даниил ушёл. Просто развернулся и ушёл, бросив через плечо это дурацкое «второй этаж, последняя дверь».

Да кто он такой, чтобы мной командовать?! Чтобы решать, куда мне идти и что делать?

Но ноги уже не слушались. Они сами несли меня к дому.

Стоп. София, очнись. Ты серьёзно? Ты хочешь переспать с этим хамом? С этим типом, который вчера называл тебя пигалицей, а сегодня смотрел так, будто раздевал?

ДА!

Господи, как громко и отчётливо прозвучал этот ответ внутри.

Я хочу его. Хочу, чтобы он коснулся меня. Хочу почувствовать наглые властные руки на своей коже. Хочу узнать, каково это — быть с женщиной, а не с мальчиком.

Макс... Да плевать на Макса. Макс променял меня на Да-

шу, даже не попрощавшись. Макс за пять минут утешился с моей «лучшей подругой», пока я тут выть хотела от одиночества.

А Даниил... от одного его взгляда у меня подкашиваются ноги. Когда он стоял рядом, когда смотрел на меня этим своим тёмным, тяжёлым взглядом, я чувствовала, как между ног становится мокро и горячо. Как пульсирует там, внизу, в такт бешеному ритму сердца.

Я не девственница. Я взрослая. Мне девятнадцать, и я имею право делать то, что хочу.

— Да пошло всё! — выдохнула и решительно шагнула к двери.

Второй этаж. Последняя дверь направо.

Я шла, и каждый шаг отдавался эхом в гулкой тишине коридора. Сердце колотилось где-то в горле, ладони вспотели, в ушах шумело так, будто я нырнула глубоко под воду.

А если он надо мной посмеётся? Если скажет, что я правда маленькая и глупая? Если откажет?

Дверь распахнулась раньше, чем я успела постучать.

Даниил стоял на пороге. Свежий после душа, с влажными волосами, уже в одних джинсах, низко сидящих на бёдрах. Запах геля для душа — шоколадный, терпкий, мужской — ударил в голову сильнее любого вина.

— Всё же пришла, — сказал он, и это было не вопросом. Утверждение. Констатация факта.

Я открыла рот, чтобы ответить, но он не дал.

Одним движением втащил меня в комнату, захлопнул дверь и прижал к стене.

Всем телом. Горячим, жёстким, нетерпеливым.

— Ты уверена? — его голос звучал хрипло, низко, опасно.
— Последний шанс уйти.

Вместо ответа я вцепилась ногтями в его плечи. Сильно, чтобы чувствовал и понял: я не сбегу.

И он понял.

Его рот накрыл мой — жадно, грубо, почти зло. Никакой нежности. Только натиск, только власть, только жёсткий язык, врывающийся в мой рот, и зубы, покусывающие губы до лёгкой боли, от которой внутри всё переворачивалось.

Я застонала, и Даниил проглотил этот стон, как голодный зверь добычу.

Его руки блуждали по моему телу — по спине, по пояснице, сжимая ягодицы так, что наверняка останутся синяки. А потом одна рука скользнула между ног, прямо через тонкую ткань шорт, и я выгнулась дугой.

— Чёрт, — выдохнул он, чувствуя, как там мокро. — Ты уже течёшь по мне, малышка.

— Не называй меня малышкой, — простонала я, но вышло жалко и неубедительно.

Мужчина усмехнулся и резко надавил пальцами туда, где всё горело и пульсировало. Сквозь ткань. Дразня. Издеваясь.

— А кто же ты? — шепнул он, покусывая мочку уха. — Маленькая развратная девочка, которая пришла к дяде за

лаской?

— Заткнись, — выдохнула я, но бёдра сами двигались навстречу его руке.

Он убрал пальцы. Резко. Неожиданно. И я чуть не взвыла от такой потери.

— Нет, — вырвалось у меня жалобно.

— Что «нет»? — он отстранился и посмотрел на меня.

Глаза тёмные, почти чёрные, зрачки расширены.

— Проси. Скажи, чего ты хочешь.

Унижение обожгло щёки. Он издевался, хотел, чтобы я просила и умоляла! Но внутри меня всё полыхало так сильно, что гордость просто сгорела дотла.

— Хочу тебя, — выдохнула я. — Пожалуйста... хватит мучить.

Даниил снова прижался ко мне, но теперь нежно, почти ласково. Поцеловал в уголок губ, в щёку, в закрытые веки.

— Хорошая девочка, — прошептал он. — Получишь. Первый и последний раз.

Его пальцы скользнули под резинку шорт, прямо в трусики, и я забыла, как дышать, потому что он коснулся там, где никто и никогда не касался так... так правильно.

Мокрые складочки раздвинулись, и я почувствовала, как один палец скользнул внутрь. Всего один. Медленно, мучительно медленно.

— О-о-о... — выдох я потеряла где-то между стоном и всхлипом.

— Тебе нравится? — спросил, двигая пальцем внутри меня медленно, сводя с ума.

— Д-да...

— А так?

Второй палец растянул меня сильнее, и я вскрикнула, вцепившись в его плечи. Больно? Нет. Хорошо. Так хорошо, что хотелось плакать.

Даниил начал двигать рукой быстрее, а большим пальцем нашёл клитор и надавил. И тогда мир взорвался.

Я забилась в его руках, закричала, вцепилась зубами в его плечо, чтобы не сойти с ума от этого накатившего, сокрушительного оргазма. Волны шли одна за другой, вышибая из лёгких воздух, из головы мысли, а из тела все силы.

Я повисла на мужчине, как тряпичная кукла, тяжело дыша и всё ещё вздрагивая от отголосков удовольствия.

— Ну как? — услышала я его насмешливый голос где-то над ухом. — Не маленькая?

Я хотела ответить что-то едкое, но язык не слушался. Только вздох и бессильное «угу».

Даниил подхватил меня на руки и отнёс на кровать. Усадил, присел рядом, заглянул в лицо.

— Эй, ты жива?

— Кажется, да, — прошептала, чувствуя, как щёки заливаются краской.

Господи, что я наделала?

Я пришла к нему сама. Напросилась. Умоляла. Кончила

от его пальцев, как последняя... да кто я после этого?

И тут я вспомнила его слова: «Первый и последний раз».

Он не хотел продолжения, потому что изначально считал это ошибкой.

Боль резанула по сердцу острее, чем любой нож.

— Не знаю, что сказать, — пробормотала я, глядя в пол.

— Скажу я, — его голос стал холодным и чужим. — То, что произошло — большая ошибка. Никто не должен об этом узнать, особенно мама. Я не должен был поддаваться на твои детские провокации. Извини, но эту игру пора прекращать.

Детские провокации?

ДЕТСКИЕ?!

Меня будто ледяной водой окатили.

Я смотрела на Даниила и не верила своим ушам. Только что этот человек довёл меня до такого оргазма, о котором я даже не подозревала. Только что он смотрел на меня как на самую желанную женщину, а теперь...

— Да пошёл ты! — заорала я, вскакивая на ноги.

Глаза защипало от слёз, но я не позволила им пролиться. Не при нём.

— Козёл! Ненавижу тебя!

Я толкнула его в грудь изо всех сил, но мужчина даже не пошевелился, только смотрел с этим своим дурацким спокойствием.

— Ты больше никогда ко мне не прикоснёшься! — голос

срывался на крик. — Будешь сгорать от желания и дрочить по углам, вспоминая, как я кончала от твоих рук! Но никогда! Ни-ког-да!

Вylетела в коридор и побежала к себе, сжимая кулаки так, что ногти впивались в ладони.

Только когда дверь моей комнаты захлопнулась, я сползла по ней на пол и дала волю слезам.

Горьким, злым, отчаянным.

Как я могла подумать, что между нами может быть что-то серьёзное? Что этому цинику, этому холодному хаму есть до меня дело?

Я просто забавная игрушка для него. Очередной способ снять напряжение. Досадная ошибка...

Ну и пусть.

Пусть катится к чёрту со своим «первым и последним разом».

Я ещё покажу ему, какая я маленькая!

Глава 8

Даниил Волков

Когда дверь за Софией захлопнулась, я выдохнул так, будто не дышал несколько часов.

Прислонился спиной к стене и закрыл глаза. Сердце колотилось где-то в горле, в висках стучала кровь, а член до сих пор стоял каменным колом, требуя продолжения.

Что это вообще было?

Я ведь не собирался этого делать. Честно. Хотел только припугнуть, поиграть с ней, посмотреть, как эта гордячка будет отступать, краснеть, лепетать что-то про мораль и приличия. А она... она шагнула ко мне сама. Сама пришла. Сама отдалась.

И я поплыл.

Господи, как же она пахла. Земляника и солнце, пот и возбуждение. Кожа гладкая, горячая, под пальцами будто плавилась. А когда она застонала... когда эти пухлые губы прошептали «пожалуйста»...

Чёрт.

Чёрт!

Я с силой провёл ладонями по лицу, пытаюсь стереть на-

важдение, но перед глазами всё равно стояла она — растрёпанная, раскрасневшаяся, с влажными от поцелуев губами. И этот взгляд, в котором плескалось столько страсти, что я едва не рухнул в синюю бездну с головой.

Ещё немного, и я бы её трахнул. По-настоящему: жёстко, грубоко. До крика. До потери сознания.

Идиот.

Я влетел в ванную и врубил холодную воду. Ледяные струи хлестали по спине, по груди, стекали по ногам, но внутри всё равно полыхало, потому что в ушах не переставая звучало это её «прошу... пожалуйста... прошу тебя».

Я закрыл глаза, и картинка сменилась.

София стояла передо мной на коленях. Голая. С наручниками на запястьях, которые я сам на неё надел. Она смотрела снизу вверх этими своими бездонными глазами и шептала: «Прошу... пожалуйста...»

Я застонал сквозь зубы и сжал член рукой.

Быстро. Жёстко. Представляя, как вхожу в неё, как она выгибается подо мной, как царапает спину, кусает губы, чтобы не кричать слишком громко...

Облегчение пришло резко, почти болезненно. Я сполз по стене душевой кабины на пол и сидел так несколько минут, тяжело дыша и приходя в себя.

Никогда я не доводил себя до ручки так, чтобы приходилось... самому это делать. В клубе всегда находилась девушка, готовая решить мои проблемы, а тут на тебе. Как маль-

чишка, честное слово.

Я вылез из душа, наскоро вытерся и рухнул на кровать, глядя в потолок.

Может, зря я её отпустил? Может, надо было просто трахнуть, и пусть бы потом делала что хочет?

Я уже почти встал, чтобы пойти к ней, когда в дверь постучали.

— Входите, — выдохнул я с облегчением.

Спасение пришло вовремя — ещё минута, и я бы натворил глупостей.

В комнату зашла мама. Улыбающаяся, свежая, явно довольная собой.

— Здравствуй, сынок. Как дела?

— Нормально, — я натянул улыбку и сел на кровати. — Ты чего хотела?

— Хотела предупредить, что сегодня к нам на ужин придёт Олеся. Я встретила её в фонде и пригласила. Она такая хорошая, воспитанная девушка...

Я внутренне закатил глаза. Начинается.

— Мама, это твой дом, приглашай кого хочешь, — ответил как можно спокойнее.

Родительница присела на край кровати и посмотрела на меня тем особенным взглядом, который я ненавидел больше всего — материнско-сватовским.

— Даня, ну почему ты такой упрямый? Тебе уже пора о семье думать, о детях! Олеся из хорошей семьи, обеспечен-

ная, воспитанная. Вы же встречались когда-то...

— Мама, — перебил я жёстче, чем хотел. — Прекрати заниматься сводничеством. У тебя теперь есть новая подопечная, вот и занимайся ею, а мою личную жизнь оставь в покое.

— Кстати о подопечной, — мама хитро прищурилась. — Ты бы мог мне помочь с этой непокорной девицей. Показать ей, кто в доме главный. Как старший брат...

Картинка снова вспыхнула перед глазами: София на коленях. Наручники. Этот умоляющий взгляд...

— Нет! — ответил я слишком резко, резче, чем следовало, и мама даже удивилась. — Нет, — повторил уже мягче. — Меня не впутывай. Я не хочу иметь к этому отношения. Пусть сама разбирается. Вылетит из лица — поедет домой, где ей и место.

Мама вздохнула, но спорить не стала.

— Ладно. Ты хотя бы на ужин останешься? Ради меня?

Я посмотрел на неё. Мама — единственный человек, которого я люблю по-настоящему. Единственный, кто был со мной, когда отец ушёл к той пустышке. Единственный, кто верил в меня, даже не зная, чем я на самом деле занимаюсь.

— Останусь, — кивнул я. — Ради тебя.

Мама просияла, наклонилась и поцеловала меня в щёку.

— Спасибо, сынок. Ты у меня самый лучший.

Когда женщина ушла, я ещё долго сидел, глядя в стену.

Олеся. Скудная, правильная, предсказуемая Олеся.

Когда-то мы встречались, и я думал — может, это оно?

Но быстро понял: с ней я умру от тоски. Она холодная, как рыба, и в постели такая же. Ни страсти, ни огня, ни этого безумного желания, от которого сносит крышу.

Как сегодня с Софией.

Чёрт. Опять.

Надо держаться от неё подальше. Это просто похоть, просто животное притяжение, ничего больше.

Я не собирался никого впускать в свою душу. Никогда.

После ухода отца я дал себе слово: никакой привязанности. Никакой любви. Потому что любовь — это боль. Это когда самый близкий человек уходит к другой, даже не оглянувшись на тебя, десятилетнего.

Мама выдержала, а я нет.

Я замкнулся. Научился получать удовольствие без чувств, трахаться без эмоций, доминировать без привязанности. В клубе я бог. Я даю девушкам то, чего они хотят — острые ощущения, игру, страсть без обязательств. И они уходят счастливые, и никто никому ничего не должен.

Так и должно быть.

София — просто ошибка. Случайность, которая больше не повторится.

Я подошел к окну, уставился на пустой двор и повторял про себя эти слова, как мантру.

Пока не поверил.

Глава 9

София Кошкина

Я сидела на кровати и меня трясло.

Хорошо трясло — так, что зубы стучали, а руки не могли успокоиться. И я понятия не имела, от чего именно. От удовольствия, которое до сих пор пульсировало где-то глубоко внутри, волнами разбегаясь по телу? Или от злости? От дикой, выжигающей всё внутри злости на себя?

На себя, дуру.

Потому что ведь знала же! С первой же встречи знала, что этот мужчина — хам, наглец и... мудака.

А я? Я сама пришла к нему. Сама напросилась. Сама умоляла.

И теперь сидела и дрожала, вспоминая его пальцы, его губы, его голос...

Я хотела его.

Эта мысль обожгла стыдом и тут же — жаром, потому что да, хотела.

Хотела узнать, каково это — быть под ним. Хотела почувствовать его внутри. Если от одних только пальцев я чуть не умерла от удовольствия, то что будет, когда...

— София Юрьевна, — голос служанки ворвался в комнату, заставив меня подскочить. — Ужин через час.

— Спасибо, я поняла, — выдохнула, прижимая руку к колотящемуся сердцу.

Ужин. Через час я снова увижу Даню. Сяду с ним за один стол, и буду делать вид, что ничего не произошло.

Я вскочила и побежала в душ. Холодная вода немного привела в чувство. Я смотрела на своё отражение в запотевшем зеркале и повторяла как мантру:

— Я больше не позволю ему ко мне прикасаться. Никогда. Но он будет меня хотеть. Будет сходить с ума. А я буду холодна, как лёд.

Легко сказать...

За столом я появилась ровно в семь. Пришла и замерла, потому что рядом с Даниилом сидела какая-то гусыня.

Длинная тощая шея, накачанные губы, белые волосы, уложенные в сложную причёску, и платье, из которого так и норовили вывалиться две силиконовые дыни. Девушка щебетала что-то нежным голоском, обращаясь то к Клавдии, то к нему, а Даня... он улыбался. Расплывался в улыбке, как последний идиот.

Меня затошнило.

— София, присаживайся, — Клавдия указала на свободный стул напротив этой парочки.

Я села и вцепилась пальцами в край стола, чтобы не выдать, как дрожат руки.

— Олеся, я так рада, что ты смогла прийти, — Клавдия погладила гостью по плечу, и у меня челюсть свело от злости.

— Ой, я тоже рада вас видеть, — проворковала та и вдруг повернулась к Даниилу. — Кстати, я вспомнила! Я как-то забыла у тебя свой шарфик, а он мне очень дорог, хочу забрать.

И подмигнула.

ПОДМИГНУЛА. Ему. Прямо при всех.

И я не выдержала.

— А разве воспитанной леди можно уединяться с мужчиной в комнате? — вылетело раньше, чем я успела подумать.

Тишина. Три пары глаз уставились на меня. Эта Олеся смотрела на меня с плохо скрытой злобой. Клавдия — с удивлением. А Даня...

Его взгляд обжёг. Тёмный, насмешливый, с хитринкой. Он смотрел и будто говорил: «Ревнуешь, малышка?»

— У вас очень милая племянница, — процедила гусыня, стараясь казаться безгранично милой.

Гадина!

— Да, она ещё многому должна научиться, — ответила Клавдия с виноватой улыбкой.

Что?!

И это всё?!

А где правила, Клавдия Анатольевна?

Где нотации про приличия? Или они только для меня?

Даниил промокнул губы салфеткой и поднялся.

— Если ты закончила, можем идти.

Голос низкий, вкрадчивый, с обещанием. Таким голосом говорят, когда уже предвкушают.

Гад похотливый!

— Да-да, я готова! — Олеся вскочила так резво, что её силиконовые дыни вызывающе подпрыгнули.

Я смотрела, как они уходят. Данил открыл перед ней дверь, пропуская вперёд. Она обернулась и послала мне победный взгляд. Стерва.

В груди что-то оборвалось и упало вниз, в холодную пустоту.

— Я могу тоже пойти к себе? — спросила тихо, боясь, что голос дрогнет.

— Конечно. Завтра первый учебный день, тебе нужно выспаться, — не почувствовав подвоха, согласилась Клавдия, и я, кивнув, почти бегом вылетела из столовой.

Лестница. Второй этаж. Его дверь.

Я не смогла сдержаться и прильнула ухом к холодному дереву, затаив дыхание.

Тишина. Ни звука. Но они же не могли так быстро... они наверняка целуются. Ласкают друг друга. Его руки на этой дурацкой силиконовой груди...

Я закусила губу до крови и рванула в свою комнату.

Подушка приняла мой крик: глухой, отчаянный, полный боли.

Почему мне так больно? Почему?!

Утром я спустилась к завтраку последней. Быстро поела, не поднимая глаз от тарелки. Чувствовала на себе его взгляд, но не смотрела. Не могла. Боялась, что разревусь прямо за столом.

— Анатолий отвезёт тебя, — сказала Клавдия. — Первое время будешь ездить с ним. Потом, если будешь хорошо себя вести, отпущу на самостоятельные прогулки.

Я кивнула и вышла. Что воля, что неволя — было уже всё равно.

Лицей встретил меня гробовой тишиной.

Директриса лично проводила меня в класс. Открыла дверь, и я чуть не ослепла.

Девушки сидели за партами как статуи. Одинаковые белые блузки, чёрные жилетки, клетчатые юбки. Одинаковые причёски. Одинаковые спины — ровные, будто к ним привязали палки. Руки сложены на столах. Взгляды устремлены на преподавателя.

Ни звука. Ни движения. Ни одной живой эмоции.

— Девушки, это София Кошкина. Она будет учиться в вашей группе. После занятий познакомьте её с библиотекой и помогите наверстать материал.

Ни одного смешка. Ни одного косого взгляда. Ни-че-го.

Меня пробрал холодок. Они — зомби. Самые настоящие зомби!

Я села за свободную парту, и началась лекция по истории. Я писала конспект, но слова не складывались в голове. В ти-

шине было слышно, как скрипят ручки по бумаге. Когда у меня нечаянно упал на пол карандаш, звук показался громом среди ясного неба. Несколько девушек вздрогнули, но ни одна не повернула головы.

Это ж надо так выдрессировать...

Интересно, есть тут хоть кто-то, кто учится в этом ужасном месте по собственному желанию? Или всех силком при-тащили?

День тянулся бесконечно, и я считала минуты до конца.

После того, как наконец прозвенел звонок, я вылетела на улицу и встала у входа, ожидая Толика. Глоток свежего воздуха — и сразу стало легче.

— Привет!

Я обернулась. Ко мне подошли три девушки из моей группы. Та, что была в центре, улыбалась вполне по-человечески.

— Я Настя. Это Даша и Катя. Ну как тебе у нас?

— Кошмар, — выдохнула я честно. — Такая скуотища, что хоть вой.

Настя переглянулась с подругами, и они дружно захихикали.

— Дашка, ты была права! — воскликнула Настя. — Она нашего поля ягода!

— Чего? — я нахмурилась. — О чём вы?

— Хочешь, покажем, как мы развлекаемся? — подмигнула Настя.

— Развлекаетесь? — я не смогла сдержать скептическую

усмешку. — В карты играете? В крестики-нолики?

Настя вдруг стала серьёзной.

— Слушай, если ты будешь задирать нос, тебе здесь очень тяжело придётся. А если хочешь нормально отучиться и не сдохнуть от скуки — приходи завтра в девять вечера к клубу «Каприз». И никому ни слова. Если нас спалят, ты пожалеешь.

— «Каприз»? — переспросила я. — Что это?

— Увидишь. Это единственное место, ради которого мы вообще торчим в этом дурдоме, — девушки переглянулись, хихикнули и убежали, а я осталась стоять, глядя им вслед.

«Каприз». Звучит как название ночного клуба. Или стрип-бара. Или чего похуже.

Я усмехнулась.

Ну уж нет, девочки. Я сама столько раз так развлекалась: заманивала новеньких в какие-нибудь сомнительные места, а потом снимала на видео, как они позорятся. Не на ту напали.

Я развернулась и пошла к машине, но где-то глубоко внутри шевельнулось любопытство.

«Каприз»... Интересно, что же все-таки это за место?

Глава 10

Даниил Волков

Я позвал Олеся в комнату только ради одного — чтобы эта маленькая дрянь видела и ревновала.

Глупо? Возможно. По-детски? Ещё как. Но когда она сидела за столом и сверлила нас взглядом, я чувствовал такое удовлетворение, что готов был расцеловать свою бывшую прямо при всех.

А вот в комнате пожалел. Сразу. Как только дверь закрылась.

Олеся повисла на мне, как спелый плод, готовый упасть.

— Данечка, я так скучала, — заворковала она, впиваясь накрашенными губами в мою шею. — Давай всё начнём сначала? Я ради тебя на всё готова. Всё, что скажешь.

На всё, значит.

Я молча усадил её на колени, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Она сообразила быстро — опытная девочка, чего уж там. Спустя секунду её пальцы уже стягивали с меня штаны, а ещё через мгновение я почувствовал знакомый влажный жар.

Но мысли были не здесь.

Я представил другие губы. Пухлые, чуть прикушенные от смущения. Другое лицо — с огромными синими глазами, которые смотрели на меня вчера с такой смесью страха и желания, что у меня до сих пор внутри всё переворачивалось.

Член отреагировал мгновенно. Встал каменным колом, будто и не было этих дурацких попыток забыть её.

Олеся довольно хмыкнула, приняв это на свой счёт, и удвоила усилия. Я запустил пальцы в её волосы, придерживая ритм, и тут же нарвался на недовольное мычание.

— М-м-м! — блондинка оторвалась от меня с возмущённым видом. — Даня, я же два часа укладку делала! Осторожнее!

Я выдохнул. Вот же овца.

— Делай своё дело и не болтай, — процедил я сквозь зубы.

Она обиженно поджала губы, но продолжила. Только теперь каждый мой вдох, каждое движение сопровождалось её постоянным ёрзаньем и поправлением то платья, то причёски, то ещё какой-нибудь ерунды.

Всё удовольствие насмарку.

Я разозлился. По-настоящему. Схватил её за затылок и несколько раз резко, глубоко насадил на себя, пока, наконец, не кончил, выплескивая вместе со спермой всё раздражение этого дня.

Олеся закашлялась, отпрянула и уставилась на меня с таким видом, будто я только что убил у неё на глазах котёнка.

— Ты псих! — заверещала она, вскакивая и бросаясь к зеркалу. — Конченный псих! Ты мне всё платье испачкал! И причёску! Я два часа...

— Пошла вон, — устало махнул рукой и, не слушая её визгливых протестов, ушёл в ванную.

Закрыв дверь, включил воду и прислонился лбом к холодному кафелю.

Идиот. Зачем я это устроил? Хотел уколоть Соню, а в итоге сам же и мучаюсь.

Хотя... она ревновала. Это было видно невооружённым глазом. Сидела за столом, вцепившись в скатерть так, что костяшки побелели, и готова была испепелить Олеську взглядом. А когда та подмигнула мне, чуть не задохнулась от злости.

Маленькая. Глупая. Не умеет скрывать эмоции. Всё на лице написано.

Так нельзя. Научат — будет поздно. Или не научат, и она так и останется открытой книгой для всех, кто захочет прочитать.

Почему меня это вообще волнует?

Утром за завтраком Соня даже не взглянула на меня. Сидела, уткнувшись в кружку с кофе, и дула на молочную пенку так сосредоточенно, будто от этого зависела судьба человечества. Щёки надуты, брови сдвинуты — обиженный хомяк, честное слово.

Я с трудом сдержал улыбку.

Правильно. Пусть злится. Пусть думает, что мне всё равно. Так будет лучше для нас обоих.

Но день тянулся бесконечно. Я не находил себе места. Метался по дому, как тигр в клетке, ловил каждый звук, каждый шорох. Выглянул в окно, когда услышал машину — Толик привёз её из лица. Соня вышла, поправила сумку на плече и скрылась в доме.

А спустя час я увидел её в окно библиотеки. Девчонка сидела в кресле с книгой, укутавшись в плед, и читала. Серьёзная, сосредоточенная, с новыми тёмными волосами, которые теперь делали её старше и... чертовски сексуальной.

Не удержался.

Спустился в библиотеку, стараясь ступать бесшумно. Она не слышала, как я вошёл. Сидела, склонив голову над страницами, и ветер из приоткрытого окна шевелил её волосы.

Сердце ёкнуло. Совсем по-дурацки.

Я кашлянул.

— Привет.

Соня вздрогнула, подняла голову. Взгляд — лёд и пламень одновременно.

— Привет, — буркнула она и снова уткнулась в книгу.

Я присел рядом на подлокотник кресла. Ближе, чем следовало. Девушка напряглась всем телом, но вида не подала.

— Слушай, — начал я тихо. — Давай забудем всё, что было. Начнём сначала. Меня зовут Даниил, я твой троюродный брат.

Она вскинулась, как ужаленная.

— Ты мне не брат! — голос звенел от возмущения. Взгляд обжёг, и я физически почувствовал этот жар на коже.

— Ну, будем считать, что брат, — я старался говорить спокойно. — Поверь, ты ещё маленькая. Тебе учиться надо, а не...

— А не что? — перебила она, подаваясь вперёд. — А не трахаться? Прости, но это не я к тебе в трусы залезла, дорогой братик!

Я открыл рот, чтобы возразить, но она продолжила, не давая и слова вставить:

— И, к твоему сведению, мне совсем не понравилось! Так что можешь не переживать, повторять не буду.

— Да что ты говоришь? — я усмехнулся, хотя внутри всё кипело. — Ну и хорошо. Значит, договорились.

Пауза. Тишина. Только наши взгляды скрестились, как клинки.

— Каприз, — вдруг сказала она. — Что это за место?

У меня внутри всё оборвалось.

— Откуда ты знаешь про Каприз?

— Меня туда пригласили одноклассницы. Так что это за место?

Я вскочил и схватил её за плечи. Жёстко. Сильнее, чем следовало. София дёрнулась, но не вырвалась.

— Не смей туда ходить. Даже думать не смей!

— Ты не можешь мне приказывать! — она вывернулась,

вскочила, встав в боевую стойку, глаза метали молнии. — Ты мне никто, понял? Никто!

— Если сунешься туда, — прорычал, не собираясь отступать, — я скажу матери, и она запрет тебя в комнате на весь учебный год. И это не шутка.

Соня замерла на секунду, а потом медленно, очень медленно, подняла руку и показала мне средний палец.

— Иди ты, братик.

И вылетела из библиотеки, хлопнув дверью так, что картины на стенах задрожали.

Я остался стоять, сжимая кулаки.

Чёрт. Чёрт! Чёрт!

Каприз. Мой клуб. Место, где девочки тянут жребий, чтобы попасть в комнату к незнакомцу в маске. Место, где я каждый вечер развлекаюсь с красотками, которые сами этого хотят.

И куда теперь собирается моя... никто. Просто девчонка, от которой у меня сносит крышу.

Она не знает, что это мой клуб. Не знает, что я там хозяин. Не знает, что если она туда придёт...

Я сел обратно в кресло и закрыл глаза.

Завтра суббота. У меня важная встреча, которую я не могу отменить, а значит, не смогу проконтролировать действия Софии.

Остаётся только надеяться, что она не пойдёт. Что испугается. Что послушает.

Но глядя на дверь, за которой только что скрылась эта фурия, я понимал: слушать она не будет.

Слишком похожи. Слишком упрямы. Слишком...

Я тряхнул головой, отгоняя мысли.

Будь что будет. Если она придёт — я узнаю. И тогда... что тогда?

Я не понимал, и это бесило больше всего.

Глава 11

София Кошкина

Что этот мудак о себе возомнил?!

Я летела по коридору, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони.

Ну, подумаешь, позажимались немного! Подумаешь, я сама к нему пришла! Это не даёт ему права командовать мной, указывать, куда мне ходить, а куда — нет!

Я просто спросила про клуб. Просто из любопытства. А он взбесился так, будто я собралась на ядерный полигон.

Значит, теперь я пойду туда обязательно.

Даже если это ловушка. Даже если эти девчонки решили надо мной подшутить. Даже если там реально опасно. Пойду. Назло.

Пусть потом локти кусает, когда узнает, а он узнает, потому что я сама ему расскажу. В красках. С подробностями!

Вечером я оделась так, чтобы быть готовой ко всему. Блестящий топ, который я купила прошлым летом в Милане, короткая кожаная юбка, босоножки на шпильке. В зеркале отражалась совсем не та забитая девочка в колючем балахоне, которую привезли сюда несколько дней назад.

— Я к Насте, историю подтягивать, — бросила я Клавдии, стараясь, чтобы голос звучал максимально обыденно.

Тётка подняла на меня глаза от своих бумаг, и у меня ёкнуло сердце. Сейчас начнёт допрос с пристрастием.

— Хорошо, — кивнула она. — К девяти будь дома.

Я чуть не споткнулась на ровном месте. Неужели поверила? Ладно, потом буду удивляться, сейчас главное — свалить, пока Даниил не вернулся. Его, кстати, опять не было. После той сцены в библиотеке он вообще избегал меня, как чумную. И это было... обидно? Нет. Просто кстати. Да, кстати.

Я вылетела на улицу, поймала такси и назвала адрес, который дала мне Настя.

Клуб оказался обычным стриптиз-заведением. Снаружи — неоновая вывеска, чёрные стёкла, два вышибалы у входа. Ничего особенного. Я бывала в местах и покруче.

— Ты всё-таки пришла! — Настя выскочила из-за угла, сияя, как начищенный самовар. За ней подтянулись Даша и Катя.

— Пришла, — пожала плечами я, стараясь выглядеть увереннее, чем чувствовала себя на самом деле. — Что дальше? Заходим и танцуем? Сколько вход стоит?

— Для нас есть другая дверь, — подмигнула Даша и махнула рукой в сторону тёмной арки.

Мы прошли через какой-то грязный проулок, лавируя между мусорными баками, и остановились у невзрачной ме-

таллической двери, больше похожей на вход в бомбоубежище.

— Слушай внимательно, — Настя развернула меня к себе, и глаза у неё горели как у наркоманки перед дозой. — Есть два варианта. Первый — просто танцуешь на сцене, получаешь дозу адреналина и идешь домой. Второй — тянешь жребий.

— Жребий? — переспросила я. — Это ещё что?

— После выступления из девушек выбирают несколько. Они тянут бумажки с номерами комнат. В каждой комнате — мужчина. В маске. Богатый. Очень богатый. — Даша понизила голос до шёпота. — Ты можешь просто танцевать для него приват, а можешь... ну, ты поняла.

— Вы тут трахаетесь за деньги? — выпалила я, и глаза у меня, наверное, стали размером с блюда.

— Тише ты! — Настя зажала мне рот ладонью и злобно зыркнула. — Не хочешь — не надо. Вали домой, учи уроки. Мы думали, ты смелая, а ты...

Она толкнула меня в плечо и нажала на кнопку звонка.

Я стояла и разрывалась на части.

Страх кричал: «Беги, дура!».

Любопытство шептало: «Останься, хоть одним глазком посмотришь».

А гордость истошно орала: «Они подумают, что ты трусиха!».

Дверь со скрипом открылась, и на пороге выросла гора

мышц. Чернокожий мужчина таких размеров, что занимал собой весь дверной проём. Руки толщиной с мою талию, на лице — ни одной эмоции. Скала. Только глаза живые — чёрные, холодные, сканирующие.

— Сэм, привет! — Настя расплылась в улыбке, но я заметила, что голос у неё чуть дрогнул. — Мы с девчонками пройдем? Нам как обычно, по полной.

— Документы, — даже не спросил, а гаркнул мужчина.

— Сэм, ты же видел наши паспорта тысячу раз! — возмущалась Даша. — Мы не могли помолодеть, извини.

Сэм сложил руки на груди и молча уставился на неё. Эффект был примерно такой, как если бы на тебя посмотрела Эйфелева башня.

Подруги обречённо вздохнули и полезли в сумки. Показали паспорта, получили кивок и скрылись за дверью.

Я осталась одна напротив этой горы.

Сэм перевёл взгляд на меня. Молча. Вопросительно.

— Я... я сейчас... — руки тряслись так, что я едва растегнула молнию на сумке. Паспорт выскользнул, упал на землю. Я нагнулась, подняла, протянула дрожащими пальцами.

Сэм посмотрел на мою фотографию, на меня, снова на фотографию. Кивнул.

— Проходи.

Я шагнула в темноту.

Коридор оказался длиннее, чем я думала. Красный свет,

чёрные стены, мягкий ковёр под ногами — утопаешь в нём по щиколотку. В конце коридора меня встретил улыбчивый мужчина с бейджем «Иван».

— Проходите, присаживайтесь, — он указал на мягкий диван, где уже сидели Настя с девчонками и ещё несколько незнакомых мне девушек. — Для начала ознакомьтесь с договором и подпишите.

Договор. Я пробежала глазами по строчкам: «неразглашение», «добровольное согласие», «отказ от претензий». Читать вдумчиво не было ни времени, ни желания — Настя подгоняла взглядом, поэтому я махнула рукой и поставила подпись.

— Как представить вас публике? — спросил Иван, забирая бумаги.

— Кошка, — выпалила я первое, что пришло в голову.

— Отлично, Кошка. Пройдёмте в гримёрку, выберете костюм. Вы будете только танцевать или готовы к жребию?

Я замаялась. Посмотрела на девчонок — они смотрели на меня с вызовом. Ухмылялись. Ждали, что я струшу.

— Жребий, — выдохнула я, и сердце ухнуло в пятки.

— Умница! — Настя хлопнула меня по плечу. — Вот увидишь, тебе понравится. Только запомни главное: никогда не снимай маску. Если вошла в комнату — обратной дороги нет. Отказываться нельзя. Клиенты платят бешеные деньги за эти комнаты, и хозяин очень строго следит, чтобы всё было по высшему разряду.

— Хозяин? — я наострила уши. — Кто он?

— Никто из девушек его не видел, — мечтательно закатила глаза Даша, помогая мне завязывать маску. — Но говорят, он молодой и безумно красивый. И очень строгий. Его здесь называют Волк.

Волк. Странное имя для хозяина стрип-клуба.

— Если никто не видел, откуда знаете, что красивый? — усмехнулась я, но мне никто не ответил, потому что заиграла музыка.

Громкая, тяжёлая, с пульсирующим басом, от которого вибрировало всё внутри. Девушки одна за другой начали выбегать на сцену. Я видела их мельком — в перьях, в латексе, в кружевах, почти голые, но невероятно красивые.

Моя очередь приближалась, и паника накрывала с головой.

Я смотрела на себя в зеркало и не узнавала. Костюм женщины-кошки облегал каждую линию тела. Чёрная маска с ушками, почти ничего не прикрывающий топ из блестящего латекса, стринги, длинные перчатки до плеч, широкие гольфы до колен, шпильки. Грудь вздымается от частого дыхания, соски торчат, в глазах — дикий ужас.

Сексуально? Безумно. Если бы я так станцевала для Макса, он бы кончил, даже не притронувшись.

Но сейчас это не для Макса, а для толпы незнакомцев.

Я забыла все движения. Руки и ноги стали ватными, в голове — белый шум. Меня трясло так, что зуб на зуб не по-

падал.

— Выходи! — Настя толкнула меня в спину, и я вылетела на сцену.

Яркий свет ударил в глаза, ослепил на несколько секунд. Я зажмурилась, прикрываясь рукой. В зале стояла звенящая тишина. Ни звука. Ни шевеления. Может, там вообще никого нет? Может, это шутка?

— Эй, киса, начинай! — донеслось из темноты.

Нет, не шутка.

Я застыла, не в силах пошевелиться. Сердце колотилось где-то в горле, грозя выскочить наружу. Ноги приросли к полу. Руки висели плетьюми.

И тут заиграла музыка. Та самая, под которую мы на курсах стрип-пластики репетировали сотни раз.

Тело вспомнило движения раньше, чем мозг успел подумать.

Я глубоко вздохнула, закрыла глаза и начала танцевать.

Медленно. Плавно. Волной от плеч до бёдер. Руки скользили по телу, по груди, по животу. Я качнула бёдрами, прогнулась в спине, откинула голову назад, подставляя шею свету софитов.

В зале кто-то выдохнул, или мне показалось?

Я открыла глаза. Темнота передо мной больше не пугала. Она манила. Дразнила. Заставляла танцевать лучше, откровеннее, горячее.

Я кружилась, приседала, скользила руками по ногам, раз-

двигала колени, дразня невидимых зрителей. Пот катился по спине, латекс противно лип к коже, но я не замечала ничего, кроме музыки и ритма.

Когда песня кончилась, я замерла в глубоком прогибе назад, едва касаясь головой пола. Тишина. Потом — аплодисменты. Одиночные, редкие, но настоящие.

Я выпрямилась и, стараясь не шататься на каблуках, убежала за кулисы.

В гримёрке меня ждали Настя, Даша и Катя с круглыми глазами.

— Ты чего творишь? — выдохнула Настя. — Ты зачем в прогиб ушла? Ты зачем так... так...

— Что? — я всё ещё тяжело дышала, прижимая руку к колотящемуся сердцу. — Плохо?

— Хорошо! — выдохнули они хором. — Слишком хорошо. Теперь ты точно в жребии. И, судя по реакции зала, номерок тебе достанется не из лёгких.

Я сглотнула.

— А что потом? После жребия?

Девчонки переглянулись.

— Потом? — Настя странно улыбнулась. — Потом ты либо захочешь умереть, либо захочешь повторить. Третьего не дано.

Она протянула мне чёрную бархатную коробочку, в каких обычно лежат драгоценности.

— Тяни.

Рука дрожала, когда я потянулась к коробке. Пальцы нащупали несколько бумажек. Я перемешала их, закрыла глаза и вытащила одну.

— Номер 15, — прочитала вслух.

Настя присвистнула.

— Самый дорогой вип-люкс. Там только для особых гостей. Поздравляю, Кошка. Ты или сорвала джекпот, или вляпалась по полной.

Я смотрела на бумажку с цифрой «15» и чувствовала, как земля уходит из-под ног.

Что я наделала?

Глава 12

Даниил Волков

Я сидел в своём кабинете и готов был проломить кулаком стену.

Встреча с Эдиком прошла хуже некуда. Этот толстосум, с которым мы планировали расширяться на соседний регион, сидел передо мной с каменным лицом и цедил слова сквозь зубы, как будто каждое стоило ему миллион.

— Даня, я понимаю, что всякое бывает, — говорил он, поправляя галстук, который стоил как моя машина. — Но когда в клубе, куда я прихожу расслабиться, происходит такое... Это не просто несчастный случай. Это репутационная катастрофа.

Я молчал, потому что крыть было нечем.

Тот идиот, который чуть не придушил девчонку в порыве страсти, оказался психом, проскочившим все фильтры. Моя служба безопасности дала маху — либо взяли липовые документы, либо тщательно не прогнали по базе. И вот результат.

Девчонка в больнице. В реанимации. Родители рвут и мечут, грозятся заявление написать. Эдик после этого случая дал задний ход и теперь делал вид, что мы даже не знакомы.

Я уже отправил к родителям адвоката с конвертом. Толстым. Очень толстым. Хватит на новый дом и ещё останется. Но мамаша девчонки рыдала в трубку при мне и кричала, что ей не нужны деньги, ей нужна справедливость.

Справедливость...

Я горько усмехнулся. Где была справедливость, когда мой отец уходил к той пустышке, даже не оглянувшись на меня, десятилетнего?

Где была справедливость, когда мать пахала на трёх работах, чтобы мы не умерли с голоду?

Нет справедливости. Есть только деньги, сила и власть.

Я сжал кулаки так, что костяшки побелели.

— Даниил Андреевич, — в кабинет заглянул Иван. — Вы просили предупредить, если будут новенькие.

— И что? — я поднял голову, пытаюсь стереть с лица злое выражение.

— Она сейчас на сцене. Представилась как Кошка. Сказала, что будет тянуть жребий.

Я оживился. Новенькие — это всегда хорошо. Это свежая кровь, новые эмоции, новые ощущения. Особенно после такого дерьмового дня мне просто необходимо было отвлечься.

Я вышел на балкон, с которого открывался вид на сцену, и наклонился вниз.

И замер.

Она стояла в центре сцены, залитая ярким светом софи-

тов. Чёрный латекс облегал каждую линию тела — маска с кошачьими ушками, топ, едва прикрывающий грудь, стринги, длинные перчатки, гольфы до колен. Гибкая, стройная, опасная. Настоящая Кошка.

А потом заиграла музыка, и девушка начала танцевать.

Это было невероятно. Движения — плавные, текучие, как ртуть. Руки скользили по телу, по груди, по животу, по бёдрам. Она изгибалась, прогибалась, приседала, разводила колени, дразня тёмный зал. В каждом движении — столько страсти, столько огня, столько дикой, животной сексуальности, что у меня перехватило дыхание.

И эти движения были такими... знакомыми.

Я уже видел их. Во дворе. Под солнцем. В коротких шортиках и топике.

Соня.

Чёрт.

ЧЁРТ!

Я с размаху врезал кулаками по перилам. Боль обожгла костяшки, но я даже не почувствовал, потому что вся кровь прилила к паху, а в голове билась только одна мысль: эта мелкая дрянь всё-таки пришла. Ослушалась. Назло. Наперекор.

Какая же ты дура, Соня. Какая же безбашенная, бесстрашная, безумная дура!

И какая же ты охрененно сексуальная в этом костюме...

Я смотрел, как она заканчивает танец — глубокий прогиб назад, почти касаясь головой пола, — и чувствовал, как

член упирается в штаны, требуя немедленного выхода. Внизу живота закипало знакомое, томительное, невыносимое желание.

— Узнать кто она? — Иван появился рядом неслышно, как тень. Неправильно истолковал мой удар по перилам.

— Не надо, — выдохнул я, не отрывая взгляда от сцены, где Соня уже убегала за кулисы. — Я знаю, кто это.

Администратор удивлённо вскинул бровь, но промолчал, потому что знал своё место.

— Иван, — я повернулся к нему, чувствуя, как губы растягиваются в хищной улыбке. — Пусть тянет жребий вместе со всеми, но мне бы очень хотелось, чтобы ей досталась моя комната.

— Какая именно? — уточнил мужчина, и в глазах его мелькнуло понимание.

— Красная.

Красная комната. Моя личная. Та, куда я прихожу, когда хочу не просто разрядки, а настоящей игры. С полным контролем. С полной властью. Та, где стены обиты красным бархатом, где есть всё необходимое для... воспитания непослушных девочек.

Иван понимающе кивнул и бесшумно исчез.

Я остался один, вцепившись в перила балкона. Сердце колотилось как бешеное, в висках стучала кровь, а в голове проносились картинки одна другой откровеннее.

Соня в красной комнате. Соня на коленях. Соня со свя-

занными руками. Соня, умоляющая меня...

Я зажмурился и тряхнул головой, отгоняя наваждение. Рано. Сначала нужно, чтобы она вытянула нужный жребий.

Но Иван был прав. Сегодня удача на моей стороне. Я чувствовал это каждой клеткой.

Я подошёл к бару, налил себе виски и залпом выпил, даже не почувствовав вкуса. Потом ещё один. И ещё.

Нервы гудели как оголённые провода. Я не находил себе места. Ходил по кабинету, как тигр по клетке, и ждал того, когда Иван вернётся и скажет, какой номер достался этой безумной девчонке.

Пожалуйста, пусть это будет моя комната.

Я не знал, что сделаю, если она попадёт к кому-то другому. Наверное, ворвусь и убью на месте. И её, и того мудака, который посмеет к ней прикоснуться.

Эта мысль обожгла неожиданной ревностью. Настолько острой, настолько дикой, что я сам испугался.

С каких пор я так реагирую на девчонку, которую знаю всего несколько дней? Которая мне даже не родственница? Которая просто... просто выносит мне мозг своим упрямством, своей дерзостью, своими дурацкими выходками?

Я не знал ответа, но понимал одно: сегодня она будет моей. По-настоящему. До конца.

И плевать на последствия.

Дверь открылась. На пороге стоял Иван с лёгкой улыбкой на лице.

— Номер 15, — сказал он. — Ваша удача сегодня действительно на высоте.

Я выдохнул так, что, кажется, весь воздух вышел из лёгких.

— Отлично. Передай, чтобы её проводили. И проследи, чтобы никто не вздумал приближаться к красной комнате. Я сам встречу гостью.

Иван кивнул и исчез.

Я подошёл к зеркалу, поправил маску на лице — чёрную, закрывающую верхнюю часть. Глаза блестели в прорезях дикий, голодным блеском.

Что ж, Кошка. Посмотрим, как ты запоешь, когда окажешься в моей клетке.

Я вышел из кабинета и направился к красной комнате.

Сердце колотилось где-то в горле, в паху пульсировало желание, а в голове билась только одна мысль: наконец-то.

Глава 13

София Кошкина

Всё было как в тумане.

Только что я танцевала на сцене под слепящими софитами, чувствуя, как каждое движение отзывается жаром в крови, а теперь стою с бумажкой в дрожащих руках и смотрю на надпись: «Красная комната №15».

Красная. Почему красная?

Тело всё ещё потряхивало от адреналина, когда мужчина в чёрном взял меня под локоть и повёл по длинному коридору. Красный свет, чёрные стены, мягкий ковёр под ногами — я чувствовала его даже сквозь каблуки.

— Сюда, — он открыл дверь с номером 15 и слегка подтолкнул меня в спину.

Дверь захлопнулась. Я осталась одна.

Господи...

Я замерла и медленно обвела глазами комнату. Красный свет — приглушённый, пульсирующий, как сердцебиение. Стены обиты тёмно-бордовым бархатом. В углу — огромное кресло, похожее на трон, а на стенах...

Цепи, наручники, плетки, зажимы.... Всё то, от чего у

нормального человека волосы встают дыбом.

Меня замутило. Первый раз в жизни — и сразу извращенец, который изобьёт меня до полусмерти или того хуже. Я слышала такие истории. Девушки шли на эксперименты, а находили смерть.

— Возьми повязку и завяжи себе глаза!

Голос раздался из темноты — низкий, искажённый, будто через модулятор, как в фильмах ужасов про маньяков.

Я вздрогнула и вгляделась в кресло. Там кто-то сидел. Мужчина в строгом чёрном костюме. Лица не разглядеть — маска скрывала верхнюю часть, оставляя только линию челюсти и губы.

— Я сказал — завяжи глаза! — рявкнул он так, что стены задрожали.

Я подскочила и бросилась к столу, где лежала чёрная атласная повязка. Руки тряслись так, что я не могла её удержать. Она выскользнула и упала на пол.

— Быстрее! Я теряю терпение!

— Сейчас... сейчас... — прошептала я, наклоняясь за повязкой, и чуть не упала на каблуках.

Наконец мне удалось натянуть её на глаза. Мир погрузился в темноту. Стало ещё страшнее. Без возможности видеть каждый звук отдавался эхом в ушах, каждый шорох заставлял сердце подпрыгивать.

Это был уже не адреналин, а настоящая, животная паника.

Я стояла, дрожа всем телом, и пыталась дышать. Вдох. Вы-

дох. Вдох. Не получалось. Сердце колотилось так быстро, что я не успевала за ним.

Резкий рывок — чья-то рука схватила меня за запястье. Я вскрикнула и почувствовала, как по щекам потекли слёзы.

— Пожалуйста! — вырвалось у меня. — Прошу вас, отпустите! Я заплачу! Я всё отдам!

— Замолчи! — рывкнули прямо в ухо. — Я не разрешал тебе говорить. Раньше надо было думать, глупая девчонка. Теперь ты — моя собственность. И я сделаю с тобой всё, что захочу.

Меня куда-то потащили. Я спотыкалась на каблуках, пытаюсь удержать равновесие, но меня грубо усадили на колени. Холодный пол обжёг кожу. Руки наклонили вниз, и я услышала шелчок наручников.

Я прикована. Я в ловушке...

Тошнота подступила к горлу. Я всегда обходила стороной такие места. Знала, чем это кончается. Девушки погибали от рук чокнутых маньяков, а полиция находила их тела через неделю в канавах.

— Что вы собираетесь со мной сделать? — спросила я дрожащим голосом.

Тишина.

Мужчина молчал. Просто стоял где-то рядом — я слышала его дыхание — и ничего не делал. Это ожидание было хуже любого крика, любой угрозы.

— Ты сегодня отвратительно себя вела, — наконец про-

изнёс он, и его голос всё так же был искажён, но в нём появились новые нотки: ледяные и жестокие. — И я вынужден тебя наказать.

Шаги: он отошёл, потом вернулся.

Я вертела головой, пытаюсь уловить хоть звук, хоть шорох, чтобы понять, что происходит, но бесполезно.

Когда удар обжёг ягодицу, я закричала и дёрнулась, пытаюсь встать, но наручники держали крепко. Место удара горело огнём, боль пульсировала и растекалась по коже.

— Прошу, не надо!

Вместо ответа — ещё два удара. Хлёстких, резких. Не в полную силу — я чувствовала, что он сдерживается, — но достаточно, чтобы слёзы брызнули с новой силой.

Я всхлипнула и опустила голову, уткнувшись лбом в холодный пол. Повязка промокла насквозь. Тушь наверняка размазалась по всему лицу, и в довершение ко всему у меня сейчас голая красная задница. Красота.

Я зажмурилась, готовясь к новому удару.

Но вместо удара по обожжённой коже скользнуло что-то тёплое и влажное.

Я вздрогнула. Это был язык... Он лизал мою израненную ягодицу, и от этого прикосновения по телу пробежала странная дрожь — не страх, не боль, а что-то совсем другое.

— А-ах... — выдохнула я, сама не понимая, стон это или всхлип.

— Хорошо, — прохрипели над ухом. — На сегодня хватит

наказаний.

Я облегчённо выдохнула. Сейчас отстегнёт наручники, и я убегу. Навсегда. Никогда больше.

Но наручники не отстегнули.

Я снова осталась в темноте, прикованная к полу, дрожащая и совершенно сбита с толку. А потом почувствовала горячее дыхание на спине, и по коже побежали мурашки.

Его пальцы коснулись меня между ног.

Я ахнула и непроизвольно подалась бёдрами навстречу. Позор. Как стыдно. Но тело жило своей жизнью, не слушаясь разум.

Пальцы скользили по влажным складкам, по клитору, дразняще медленно, почти лениво. Я уже вся горела, текла и хотела, чтобы он вошёл в меня хоть пальцами, хоть чем-нибудь.

— Влажная, — прохрипел он. — Непослушная девочка. Чего ты хочешь сейчас?

Этот голос... он сводил с ума. Сквозь искажения, сквозь страх, сквозь боль прорывалось что-то знакомое, что-то, от чего внутри всё переворачивалось.

— Я хочу... — выдохнула я, задыхаясь. — Хочу вас...

Ласка стала интенсивнее, напористее. Пальцы вошли в меня — резко, глубоко, и я закричала от удовольствия. Он двигал ими во мне, а большим пальцем давил на клитор, и я уже чувствовала приближение оргазма, уже летела в пропасть, уже...

И мужчина убрал руку.

Отошёл.

Я замерла. Сердце колотилось где-то в горле, тело выло от неудовлетворённого желания, низ живота тянуло противной, ноющей пустотой.

— Нет! — вырвалось у меня с такой обидой, что я сама удивилась.

— Запомни, Кошка, — прошептали над ухом, схватив за волосы и приподнимая мою голову. — Сегодня я был очень добр и ласков с тобой. В следующий раз такого не будет. Надеюсь, ты подумаешь и больше никогда не появишься в этом клубе. Но если всё же решишь вернуться... — незнакомец усмехнулся, и от этого смеха по спине пробежал холодок. — Если вернёшься, ты всегда будешь вытягивать мою красную комнату. Номер 15. Ты поняла меня?

Я кивнула, насколько позволяла его хватка.

— Да, — прошептала. — Да, я поняла.

Он отпустил меня, и я упала лицом в пол. Лязгнули наручники — свободна.

— Снимешь повязку через пару минут, — бросил он перед уходом. — Заберёшь деньги у администратора и навсегда покинешь это место.

Хлопок двери.

Я лежала, уткнувшись в пол, и не могла пошевелиться. Минута. Две. Три.

Потом стянула повязку.

Красный свет резанул по глазам. Я оглядела комнату — пусто. Только запах... Горьковато-цитрусовый, терпкий, сводящий с ума. Его парфюм всё ещё витал в воздухе, обволакивал, дразнил.

Я села на полу, обхватив колени руками, и разрыдалась. От страха, от облегчения, от неудовлетворённого желания, от всего сразу.

Задница горела огнём, а между ног всё ныло и пульсировало, требуя продолжения.

Вот же козёл. Истязатель хренов!

Но где-то глубоко внутри, в самом тёмном уголке души, шевельнулось что-то ещё. Что-то, чему я боялась дать имя.

Мне понравилось...

Спустя полчаса я вышла из клуба, сжимая в руках конверт с деньгами. Хорошие деньги. Очень хорошие. За такие можно и потерпеть.

Я застонала — каждый шаг отдавался болью на заднице. Такси, которое я вызвала, всё не ехало. Ночь, полночь, тёткин дедлайн давно прошёл...

— Подвезти?

Я обернулась.

Рядом с тротуаром стоял знакомый «Ниссан». В открытом окне — Даниил. В своей обычной дурацкой футболке, с лёгкой усмешкой на губах.

Что он тут делает?!

В другой ситуации я бы послала его куда подальше, но вы-

бора не было. Я молча открыла дверь и плюхнулась на сиденье, стараясь сесть так, чтобы поменьше давить на пострадавшее место.

— В чём дело? — спросил он, и в его глазах мелькнул странный огонёк. То ли насмешка, то ли... что-то ещё.

— Всё в порядке.

— Я же говорил тебе не ходить в это место, — он покачал головой. — Ну и как? Понравилось?

— Очень! — выпалила я, чувствуя, как внутри закипает злость. — Обязательно пойду снова!

— Вот как? — он приподнял бровь. — И зачем?

— Там клёво! — я развернулась к нему, забыв про боль. — С мужчиной познакомилась. Он просто огонь!

Даниил усмехнулся, но как-то странно. Взгляд его потемнел.

— Ну, не то чтобы познакомилась, — продолжила я, сама не понимая, зачем говорю это всё ему.

Наверное, чтобы уколоть побольнее. Чтобы вспомнил свою Олесю.

— Просто теперь я на всё готова ради встречи с ним. Он невероятный! Жёсткий, грубый, страстный! У меня от одного его голоса между ног всё сводит!

Даниил вдруг резко остановил машину. Прямо посреди пустой улицы. Повернулся ко мне и придвинулся так близко, что я почувствовала его дыхание на своих губах.

В его карих глазах полыхало. Страсть. Возбуждение. Ди-

кое, животное желание.

Он возбудился от моих слов! Извращенец!

— Может, ты и кончила с ним так же сладко, как в моей комнате? — его рука легла на мою голую коленку, и по коже побежали мурашки.

— Это было во сто раз лучше, — выдохнула я, пытаюсь не расплавиться от этого прикосновения. — Тебе, братец, далеко до мужчины из клуба. Учиться и учиться.

Даниил вдруг откинулся на спинку кресла и расхохотался. Громко, искренне, как будто я сказала самую смешную шутку в его жизни.

Я надула губы и отвернулась к окну. Дурак. Ничего смешного не вижу.

Дома нас встретила Клавдия. Стояла в гостиной, скрестив руки на груди, и сверлила меня недовольным взглядом.

Я лихорадочно перебирала в голове варианты оправданий, но ничего путного не приходило.

— Прости, мама, — вдруг шагнул вперёд Даниил. — Я обещал подвезти Софию вовремя, но по дороге заскочил по своим делам и задержался. Сестричка не виновата, не ругай её.

Он наклонился и поцеловал мать в щёку.

Я уставилась на него, раскрыв рот. Даня меня прикрыл? Он?

— Хорошо, — Клавдия поджала губы, но смягчилась. — Сынок, впредь постарайся не таскать девочку по ночам. Ей

спать надо.

— Обещаю, это в первый и последний раз, — широко улыбнулся Даниил и медленно пошёл к лестнице.

Клавдия удалилась на кухню, приказав мне немедленно идти спать. Я подождала, пока её шаги стихнут, и бросилась следом за Даниилом.

Догнала его у самой двери в комнату.

— Стой! — выпалила я, хватая его за руку. — Почему ты меня прикрыл?

Мужчина повернулся. Взгляд — тёмный, тяжёлый, обжигающий.

— Просто так, — ответил он тихо. — В благодарность выполни мою просьбу. Не ходи больше в «Каприз».

Он шагнул ко мне. Ближе. Ещё ближе. Моя грудь почти касалась его груди. Между ног снова заныло — противно, сладко, невыносимо.

— Я не могу туда не ходить, — прошептала, поднимаясь на носочки и приближая губы к его уху. — Я хочу снова встретить того незнакомца. У нас с ним одно незаконченное дело.

Я вдохнула его запах: горьковато-цитрусовый, терпкий, сводящий с ума.

Тот самый...

Мысль мелькнула и погасла, потому что Даниил тихо, сдавленно застонал, а в следующую секунду дверь за моей спиной распахнулась, и я влетела в его комнату.

— Незаконченное дело, говоришь? — прохрипел он, и голос его... голос был тем самым.

Искажений нет, но интонации... интонации те же!

Нет, не может быть...

— Что ты делаешь? — выдохнула я, хотя сердце уже знало ответ.

Даня схватил меня за волосы — резко, властно, и притянул к себе для поцелуя. Жаркого, глубокого, почти злого. Его язык ворвался в мой рот, и я застонала, вцепившись в его плечи.

Всё внутри горело. Между ног пульсировало так, что хотелось кричать.

Даниил оторвался от моих губ на секунду. Глаза его горели диким огнём, грудь тяжело вздымалась.

— Хочешь прекратить это безумие? — спросил он хрипло.

— Нет, — выдохнула я. — Прошу... пожалуйста...

И стена рухнула.

Мужчина развернул меня спиной, прижал грудью к стене, рванул трусики и, спустив свои штаны, вошёл. Резко, глубоко, до самого предела.

— А-а-ах! — закричала я, впиваясь ногтями в обои.

Он держал меня за волосы, оттягивая голову назад, и второй рукой сжимал грудь, не давая пошевелиться. Двигался жёстко, напористо, вбиваясь в меня с каждым толчком всё глубже.

Было немного больно, но эта боль тонула в океане наслаждения. Я подавалась назад, навстречу, насаживалась на него как можно сильнее, ловя каждый толчок, каждое движение.

— Да! — кричала я, забыв, где мы и кто нас может услышать. — Да! Ещё!

Даня зажал мне рот ладонью, продолжая двигаться во мне. Я кусала его пальцы, царапала стену, мычала от удовольствия, которое нарастало с каждой секундой.

Оргазм накрыл внезапно — мощной волной, сбивающей с ног, вышибающей воздух из лёгких. Я забилась в его руках, закричала в ладонь, и он, почувствовав это, сделал ещё несколько резких толчков и вышел из меня, кончая на бедро горячей струёй.

Мы замерли. Тяжело дышали. Я сползла бы по стене вниз, если бы не его руки, держащие меня, упала бы точно.

— А ты горячая штучка, сестрёнка, — прошептал он, целуя меня в шею, и отошёл.

Я стояла, прижавшись лбом к холодной стене, и пыталась отдышаться. Между ног всё ныло и пульсировало. Хотелось плакать и смеяться одновременно.

Я обернулась.

Даниил стоял посреди комнаты уже совершенно голый, и я невольно залюбовалась им. Великолепное тело. Кубики пресса, узкие бёдра, сильные руки. И член... член снова наливался силой.

Между ног опять заныло.

— И что теперь? — спросила я тихо.

— А теперь, — он лениво потянулся и взял с кровати полотенце. — Я иду в душ, а ты — в свою комнату спать. Мы оба получили, чего хотели. Теперь, надеюсь, между нами начнутся чисто родственные отношения.

Мужчина усмехнулся и скрылся за дверью ванной.

Я осталась одна. Растрёпанная, с текущей по бедру спермой и с диким, непостижимым чувством в груди.

Родственные отношения... Ага, сейчас.

Я подобрала трусики, натянула их на дрожащие ноги и выскользнула в коридор.

В своей комнате я рухнула на кровать и уставилась в потолок.

Тело всё ещё помнило его прикосновения. Горело, ныло, требовало продолжения.

Я сжала кулаки.

Что же я наделала?

Хотела просто утереть ему нос, доказать, что взрослая, а теперь... теперь я зависела от него. От его рук, от его губ, от его члена, который нашёл внутри меня такие точки, о существовании которых я даже не подозревала.

И этот запах...

Нет. Это полная чушь. Всего лишь попытка принять желаемое за действительное.

Я зажмурилась, проваливаясь в тревожный сон, полный

красных комнат, цепей и чёрных масок.

Глава 14

Даниил Волков

Что я творю?

Я стоял под ледяными струями, вцепившись руками в кафельную стену, и пытался отдышаться. Вода хлестала по спине, по груди, стекала по ногам, но внутри всё равно полыхало. Потому что член снова стоял колом, требуя продолжения, а в голове крутились кадры того, что только что произошло.

Эта девчонка лишила меня рассудка. Вынесла мозг напроць. Я не мог думать ни о чём, кроме неё.

Как она дрожала под моими руками. Как всхлипывала от удовольствия. Как подавалась навстречу, впуская меня в себя. Как кричала, когда кончала — громко, отчаянно, не стесняясь.

Боже, её кожа. Гладкая, горячая, пахнущая земляникой и возбуждением. Её ягодицы, на которых ещё алели следы от моей плети — лёгкие, почти невесомые, но такие... собственнические.

Я хотел большего.

Мысль ударила в голову, и я застонал сквозь зубы.

Чего именно я хотел?

Связать её? Растянуть на кровати и брать снова и снова, пока не потеряет сознание от удовольствия? Заставить умолять меня о каждом прикосновении?

Да. Чёрт возьми, да. Всего этого.

Я сделал воду ещё холоднее, но это не помогало. Член ныл, пульсировал, требуя выхода, и мне пришлось сжать его рукой, представляя, что это её пальцы, её губы, её тело.

Несколько резких движений — и я кончил, уткнувшись лбом в стену, тяжело дыша.

Это не лечится и не проходит. С каждым разом становится только хуже.

Я выключил воду, накинул полотенце и вышел из душа. В комнате всё ещё витал её запах. Я открыл окно, впуская холодный ночной воздух, и рухнул на кровать, глядя в потолок.

Завтра воскресенье. Интересно, пойдёт она в «Каприз»?

Где-то глубоко внутри, в самой тёмной и постыдной части души, мне безумно хотелось, чтобы она пришла. Чтобы снова оказалась в красной комнате. Чтобы я мог продолжить то, что начал.

Но тут же включался голос разума: это будет конец. Полный провал. Если она узнает... если поймёт...

Хотя чего она узнает? Она же не знает, что мужчина в маске и я — одно лицо. Для неё это два разных человека. И если она придёт в клуб, значит, хочет встретиться с тем, другим. С незнакомцем. С хозяином.

Ревность обожгла изнутри.

Я зажмурился и приказал себе спать. Завтра будет новый день.

Утром я спустился к завтраку с тяжёлой головой и ещё более тяжёлым сердцем.

Соня сидела за столом — в том самом дурацком кремовом платье, в котором выглядела на пятнадцать лет. Волосы собраны в хвост, ни грамма косметики, глаза упёрты в тарелку.

— Доброе утро, — буркнула она, даже не взглянув на меня.

— Доброе, — ответил я, садясь напротив.

Напряжение повисло в воздухе, густое, как кисель. Я чувствовал, что она вся сжалась, будто ожидая удара. А я... я смотрел на неё и снова чувствовал себя грязным извращенцем. Потому что под этим дурацким платьем скрывалось тело, которое я знал теперь лучше, чем своё. Потому что я помнил, как она кричала подо мной.

— Даня, сынок, — мама, как всегда, спасла ситуацию, ворвавшись в тишину своим голосом. — Сегодня звонила Олеся. Её мама приглашает нас на открытие своей выставки. Ты свободен?

Я внутренне застонал.

— Мам, ты же знаешь, я не любитель таких мероприятий. Тем более творчество Алевтины Георгиевны... ну, оно не для меня.

— Даня, я настаиваю, — мама сложила руки на груди тем

особенным жестом, который означал, что спорить бесполезно. — Сегодня воскресенье, я дала Анатолию выходной. Ты же не хочешь, чтобы на мероприятие, где будет полно уважаемых людей, я приехала на такси?

Я вздохнул. Мама знала мои слабые места.

— Хорошо, — сдался я и мельком глянул на Соню.

Она с таким остервенением ковыряла вилкой яичницу, что тарелка жалобно звенела. Услышав про Олесю, девчонка будто окаменела.

— София, я бы хотела взять и тебя, — обратилась мама к ней. — Посещение таких мероприятий полезно для развития.

Соня подняла голову, и в её глазах мелькнул неподдельный ужас.

— О, нет... — выдохнула она, но тут же взяла себя в руки. — То есть я бы с радостью, но мне нужно заниматься. В лицее очень сложная программа, столько конспектов переписывать... Я не хочу выглядеть глупо на уроках.

Даже не покраснела. Врала как по писаному.

Мама просияла.

— Я так рада, что ты наконец серьёзно отнеслась к учёбе. Хорошо, оставайся. С понедельника к тебе будет приходить репетитор. Очень умный и воспитанный молодой человек.

Соня кивнула и снова уткнулась в тарелку, но я успел заметить мелькнувшую в её глазах усмешку.

Молодой человек, значит. Репетитор. Ага.

Если бы мама знала, чем на самом деле занимается эта «кроткая леди» по ночам...

Весь день был сушим адом.

Выставка оказалась именно такой скучной, как я и предполагал. Алевтина Георгиевна рисовала абстрактные мазки и называла это «криком души современной женщины». Я с умным видом кивал, разглядывал пятна на холстах и считал минуты до конца.

Олеся висела на мне, как банный лист. То за руку возьмёт, то к плечу прижмётся, то улыбнётся так многозначительно, что все вокруг сразу начинали перешёптываться. К концу вечера я был уверен: завтра в местных сплетнях напишут о нашей помолвке.

Мне было плевать. Я думал только о том, что Соня сейчас дома одна. Что она, возможно, снова собирается в клуб. Что она хочет встретиться с тем, ДРУГИМ.

Как только мы довезли маму до дома, я рванул в «Каприз».

— Иван! — позвал я, влетая в кабинет.

Администратор поднял на меня глаза.

— Если Кошка появится сегодня, не пускай её на сцену. Без жребия. Сразу в красную комнату.

Иван нахмурился.

— А если она не захочет?

— Мне плевать, — отрезал я. — Если она переступит порог «Каприза», значит, должна оказаться в пятнадцатой ком-

нате.

— Но мы никогда не применяем таких методов, — возразил Иван. — Девушки приходят по своей воле. Мы не заставляем...

— Ты плохо меня расслышал? — я шагнул к нему, и он побледнел. — Я всё сказал. Иди.

Иван исчез быстрее, чем я моргнул.

Я знал, что нарушаю собственные правила. Знал, что это неправильно. Но Кошка — это была не просто девушка. Это была моя погибель. Моё наваждение. Моя одержимость.

Я сел в кресло и устался на часы.

Двадцать один ноль-ноль. Двадцать один тридцать. Двадцать два.

Ничего.

Я уже начал злиться. И огорчаться. И радоваться одновременно — потому что если она не пришла, значит, послушалась. Значит, ей хватило ума.

В двадцать два тридцать в дверь постучали.

— Войдите.

На пороге стоял Иван, и улыбался во весь рот.

— Она пришла. Сэм отвёл её куда велено. Она не сопротивлялась, даже не спрашивала ничего.

Сердце подпрыгнуло и забилось где-то в горле.

Я вскочил, поправил маску и вышел в коридор.

Ну, Кошка, ты сама этого хотела, и сегодня я не буду добрым.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.